

ПБ₂₁ 1259

Капитолина Н. МАТВЪЕВА.

...И СМОЛКЛИ КОЛОКОЛА.

ИЗДАНИЕ АВТОРА.

БЪЛГРАДЪ
1 9 3 5

Капитолина Н. МАТВѢВА.

...И СМОЛКЛИ
КОЛОКОЛА.

ИЗДАНИЕ АВТОРА.

БЪЛГРАДЪ
1 9 3 5

ГОСАР ЗАРКАЗ И РЕЦЕНЗИ
И. Бр. 1271

КАТЕГОРИЈА И ДИЖИТАР

ДИПЛОМ И...
КОДОДОК

Издано на правахъ рукописи.

РЕПУБЛИКА СРБИЈА

БЕОГРАД
1981

РУСЬ.

Не тряхнуть - ли стариною,
Не смахнуть - ли грусть,
Не пожить ли той былою
Жизнью, вспомнивъ Русь?
Гдѣ ты, матушка Россія?
Гдѣ ты, чѣмъ жива?
И кого ты полюбила
Въ годы безъ меня?
Не видалъ тебя, родная,
Много, долго дней
И не знаю, все-ль такая
Для моихъ очей?
Отошелъ я на чужбину,
Ты больна была,
Но сказала: „Не погину“,
И повѣрилъ я.
Вотъ закрылъ глаза и вижу
Всю твою красу;
Голосъ твой, какъ пѣсню, слышу,
Слышу въ ней слезу.
Вотъ иду твоимъ просторомъ,
Всюду говоръ, звонъ.
Рѣки, горы, высь надъ моремъ —
Все твое, твой тронъ.
И шумить, шумить могучій
Старый темный боръ,

Посылая вздохъ пахучій
На тебя — просторъ.
Но откуда то изъ дали
Вихорь налетѣлъ,
Закачались, застонали
И сосна, и ель.
Долго, много извивался
Вихорь — чуждый бѣсъ,
И шумѣлъ, но не сдавался
Боръ — дремучій лѣсъ.
Гнется, стонетъ, разгибаясь,
Старая сосна;
Эхомъ мукъ перекликаясь,
Охнула земля.
И пошла ты, Русь былая,
Странникомъ ходить,
День и ночь не отдыхая,
Чашу горя пить.
Шла горами, шла долами,
Шла во всѣ концы
И плела - плела съ слезами
Тернія вѣнцы.

ВЪ ДЕНЬ ИЗГНАНІЯ.

И каждый годъ, въ день нашего изгнанья,
Я сердцемъ тамъ, въ моей родной странѣ,
И, затаивъ тоски щемящія стенанья,
Безъ слезъ тогда я плачу о Тебѣ.

Безъ слезъ, чтобы чужой толпѣ
Не показать израненнаго сердца.
Въ молчаньи помню о Тебѣ.
Къ Тебѣ тогда всѣ мысли мои мчатся.

Осталось все, все позади, но ясно,
Какъ будто было это вотъ вчера.
О, если бы забыть! но все напрасно:
Кто раненъ въ сердце, раненъ навсегда.

И каждый годъ, въ день нашего изгнанья,
Всегда я тамъ, въ моей родной странѣ.
Въ нѣмой тоскѣ несу я упованья,
Несу какъ дань несбывшейся мечтѣ.

НАШЪ ГОРОДОКЪ.

ЛѢТОМЪ.

Нашъ городокъ маленькій, тихонькій, заштатный.

Почему нашъ городокъ былъ заштатный, кто, когда, въ чье царствованіе и изъ какихъ соображеній его разжаловалъ, никто не помнилъ.

А архивовъ въ немъ не водилось.

И потому, что онъ былъ заштатный, въ немъ было два управленія: одна половина, до рѣки, была городъ, гдѣ хозяйничалъ городской голова, а за рѣкой село, гдѣ было волостное правленіе и старшина.

Городское купечество дѣлилось на гильдіи 1-ую и 2-ую, а было и просто мѣщанство.

Горожане были въ вѣчной ссорѣ съ мужиками изъ села: никакъ не могли подѣлить луговъ.

Но и ссора эта была какая-то тихая, скрытая, какъ хроническій недугъ: всѣ знаютъ, что есть болѣзнь, и всѣ знаютъ, что ее не вылѣчить. А если случалось, что въ городъ пріѣзжалъ губернаторъ или архіерей, то городскіе стражники и сельскіе десятскіе одинаково ревностно гоняли овецъ и телятъ съ ярмарочной территоріи, на которой они любили пастись.

Стоитъ нашъ городокъ на тракту, что идетъ великой „Владимірской“, какъ передаточный пунктъ между Сибирью и центральной Россіей.

Круглый годъ черезъ него шли обозы съ товарами. Скрипя полозьями, а лѣтомъ осями, шли и шли длинной цѣпью обозы съ сибирскими товарами, кяхтинскими чаями, а обратно съ „рассейскими“. Лѣтомъ, поднимая клубы пыли, проходили изъ Сибири стада калмыцкихъ барановъ, степныхъ лошадей, быковъ. Звеня кандалами, проходили этапы арестантовъ съ бритыми наполовину головами и съ тузами на спинахъ.

Съ времени на время, на взмыленныхъ почтовыхъ тройкахъ, дико пронесется какой-то возокъ, охраняемый многочисленной стражей.

— Золотуху везутъ, — говорили.

То золото сибирское въ Питеръ везли.

Все это проходило, проѣзжало, оставляло послѣ себя пыль, навозъ, а городокъ опять оставался самъ по себѣ тихій, безшумный со своими церквами и своими обычаями.

Только три раза въ году оживалъ нашъ городокъ: къ „вешнему Николѣ“, къ „Успенію“ и „зимнему Николѣ“.

Тогда городокъ кишѣлъ, какъ муравейникъ, торговымъ людомъ, неимовѣрнымъ количествомъ калѣкъ и разныхъ проходимцевъ, ловко обдѣлавшихъ свои дѣлишки среди тупо добродушныхъ обывателей.

Но кончалась ярмарка и расползался муравейникъ. Городокъ входилъ въ свое русло и жилъ своею жизнью: мужчины служили, торговали, женщины, какъ по заказу, рожали, полегоньку флиртовали и много ходили по именинамъ. Причемъ купечество жило своимъ кругомъ, мѣщанство своимъ, что же касается чиновниковъ и прочей „ин-

теллигенціи“, они какъ-то вкрапливались и къ тѣмъ, и къ другимъ. Вѣроятно, вслѣдствіи того, что служила и нужна была какъ платившимъ, такъ и не платившимъ гильдію.

Кругомъ городокъ былъ обнесенъ лѣсомъ. Близехонько. Тамъ чернѣеть боръ, тамъ березовый лѣсъ, тамъ осинникъ; все имѣетъ свое названіе, свою особенность, свою прелесть и свое богатство..

Приволье!

Бывало, пойдемъ съ Татьянушкой за ягодами-Встанемъ, когда еще солнышко только зазолотится первыми лучами на куполахъ монастырскихъ церквей, корзинку на руку и веселой гурьбой двинемся.

Бодрить утрення прохлада. Бѣжимъ, шлепаемъ ногами по мягкой дорожной пыли, слушаемъ какъ неумолчнымъ гомономъ поютъ — свистятъ большія и малыя птички въ придорожныхъ кустахъ.

Весело на душѣ!

Шель бы, шель, кажись, безъ конца этой бодрой, веселой дорожкой. Добѣжали незамѣтно до мѣста, гдѣ надо сворачивать.

— Вонъ тамъ, за лѣсочкомъ, поляны, тамъ полно ягоды, надо сворачивать, — объясняетъ Татьянушка.

Трава мокрая, роса, какъ мелкія стеклышки, блеститъ всюду. Схватишь, проходя мимо, вѣточку березки, осинки, посыплется дождь стеклышекъ, забрызжетъ всю тебя.

— Ничего, — говоритъ Татьянушка, — умылась росой, будешь здорова, будешь красива.

Ползаемъ по полянкѣ, солнышко пріятно грѣетъ спину, мокрую голову. Отъ земли поднимается

туманъ. Приляжешь на траву, посмотришь — всюду, всюду красненькія головки.

Устанешь сгибаться, встанешь, выпрямишься во весь ростъ и весь то городокъ, какъ на ладони, видѣнь отсюда. Дымъ изъ трубъ тянется; хозяйки спѣшатъ пораньше съ обѣдомъ справиться: жара сушь, можетъ сажа загорѣться. Начальство строжится.

Въ монастырѣ благовѣстятъ къ обѣднѣ. Въ утреннемъ воздухѣ катятся волна за волной бархатные звуки и гдѣ то за рѣкой, за горами, что видѣются какъ сѣдья шапки, пропадаютъ.

Татьянушка лѣниться не даетъ: каждый свою корзинку долженъ нести полной, а когда набралъ, можетъ отдыхать или „брать въ ротъ“.

Наберешь полную пригоршню ягодъ, откроешь ротъ и какъ въ какую то бутылъ всыплешь. И чувствуешь, что ты что-то одно цѣлое, неразрывное, и съ мокрой травой, и съ душистой ягодой, и съ птицами, что поютъ, радостно встрѣчая восходъ солнца.

Послѣ лѣсной земляники будетъ еще боровая. Та крупная, душистая, въ тѣни сосенъ долго нѣжится, питается смолистымъ ароматомъ и, когда уже созрѣетъ, не наѣшься.

Хозяйки только изъ боровой варятъ варенье.

Потомъ пойдетъ малина. Она растетъ на „ямахъ“, мѣстѣ, которое все въ ямахъ. Говорятъ, что, когда строился монастырь, оттуда брали глину на кирпичъ. Правда ли это было, не знаю, но теперь это мѣсто полно малинника, хмеля, крапивы и шмелей. А также не въ рѣдкость укрывались тамъ и бродяги — каторжане, съумѣвшіе убѣжать въ пути. Этотъ людъ у насъ не преслѣдовался со

стороны жителей, не раздражался и, по силѣ возможности, подкармливался, особенно зимой. Напримѣръ, послѣ филиппова заговѣнья всѣ знали, что за оставшимися пельменями прійдутъ бродяги, а потому пельмени не бросали, не скармливали собакамъ.

— Бачка, мачка! — на какомъ то не нашемъ, на „а“ произношеніи голосають подъ окнами бродяги. Хозяева выносятъ, что могутъ, причемъ никогда не вступаютъ въ разговоръ. Мы, дѣти, въ ужасѣ бѣжали отъ бродягъ.

Въ чистый понедѣльникъ они приходили за остатками масляной.

Среди зимы, въ морозы, бродяги обыкновенно пріавлялись полиціи сами и, какъ „непомнящіе родства“, зимовали по тюрьмамъ въ теплѣ. Весной, вѣроятно, снова убѣгали.

Такъ какъ на „ямахъ“ ютились такіе бродяги, безъ мужчинъ туда никогда никто не ходилъ. Въ старину же, говорятъ, тамъ и медвѣди водились. Правда ли это было, но бабушка рассказывала, что она однажды лицомъ къ лицу у одного куста малины столкнулась съ медвѣдемъ. Отъ страха начала его бить корзинкой по головѣ. А когда назавтра пришли на медвѣдя облавой, нашли его мертвымъ. Отъ неожиданности что-то сдѣлалось съ бѣднягой. Можетъ покойная только слышала такую сказку, а героиней уже сама себя сдѣлала. Не знаю. Намъ, дѣтямъ, казалось это чѣмъ-то сверхъужаснымъ и еще было непонятно: какъ бабушка могла убѣжать, выскочить оттуда, имѣя на себѣ кринолинъ, сооруженіе, которое мы знали, которое мы имѣли въ полномъ нашемъ распоряженіи. Мы въ немъ какъ въ лодкѣ сидѣли, а, если нужно, лѣзли подъ него.

Но если отбросить и бродягъ, и медвѣдей, то около малины было еще много враговъ. Особенно шмели. Увлечешься, берешь душистую ягоду, вдругъ тебя что-то въ носъ, въ губу, какъ огнемъ прижжетъ! Шмель!

Явишься домой красавицей писаной. Но ничего:

— До свадьбы заживетъ, — скажетъ Татьяна и чѣмъ то помажетъ болячку.

Послѣ малины шли смородины — черная и красная.

„Согры“ — лѣсокъ мелкій, частый, полонъ опять таки какой-то гигантской крапивы, хмеля, гнѣзда шмелей, ось. И полно, полно смородины!

Ѣздили цѣлыми семействами на телѣгахъ и привозили эти телѣги полнымъ полны. Огромнѣйшія бутылки настоекъ всякъ имѣлъ.

Въ обилии была лѣсная клубника, вишня, въ бору „костянка“ для „желе“, черемуха для постныхъ пирожковъ, боярка — прислугѣ „на парѣнки“, черника — дѣтей поить „отъ разстройства“ и какъ послѣднія — ежевика, брусника и клюква. Калина хороша, когда ее хватить морозцемъ. Ее можно было брать, когда полиція опредѣлитъ. Ее везли возами.

Также и хмель. Когда городское начальство, въ согласіи съ сельскимъ, рѣшить, что „пора хмелевать“, стражники, десятскіе идутъ отъ двора до двора, колотятъ въ дверь палкой и

— Эй, хозяинъ! завтра хмелевь!

Утромъ, чѣмъ свѣтъ, все двинулось за хмелемъ — кто на лошадахъ, кто пѣшкомъ съ мѣшками на спинахъ. Хмель обывателю нуженъ. Вся-

кій любитъ сварить свое пиво, а хлѣбець на чемъ замѣсишь, если не запасешься хмелемъ, на чемъ сдѣлаешь дрожжи?

Но всего радостнѣй для насъ, дѣтей, были поѣздки за грибами.

Пройдетъ, бывало, въ городѣ успенская ярмарка, схлынетъ сутолка, начнутъ перепадать дождички, хозяйки начинаютъ готовить кадки для соленья грибовъ, огурцовъ.

Какихъ только у насъ не было и какъ ихъ только не заготавливали!

Сушили бѣлые грибы, опенки, масляники, ихъ же мариновали. Солили и мариновали рыжики, сухіе грузди, сырые грузди, волнушки, синявки, обабки.

Да не перечеть всѣхъ названій!

И знаешь привычку каждого, гдѣ любитъ расти: рыжикъ любитъ тамъ, гдѣ „олений мохъ“ растетъ, волнушка въ березнячкѣ, сырой груздь въ „осинникѣ“, сухой груздь въ бору подъ хвоей: разгребешь ее, а на землѣ сидятъ бѣленькіе, кругленькіе груздочки. Осмотришься, кругомъ бугорочки; значитъ цѣлую семью нашель.

За грибами ѣздили тоже цѣлыми семьями. Бывало, мать скажетъ:

— Татьяна, завтра ѣдемъ за грибами.

Радость намъ были эти поѣздки!

Рано, до восхода солнца, закладываютъ лошадей въ плоскія телѣги; для насъ постеляютъ войлоки, чтобы не такъ было жестко; наберутъ всякой провизіи, огромный лагунъ квасу. И съ шумомъ, грохотомъ, поднимая облака пыли, катимъ за грибами въ „дальній боръ“.

Вначалѣ ѣдемъ трактомъ: широкая дорога, обсаженная по обѣ стороны старыми деревьями. Промелькнутъ два-три верстовыхъ столба и, наконецъ, сворачиваемъ въ сторону.

Только тотъ, кто знаетъ, кто ходилъ по лѣснымъ дорожкамъ, обросшимъ „конотопомъ“, оценитъ обаятельность ѣзды по нимъ. Городъ гдѣ-то позади, съ боку, за стѣнной лѣса слышны однообразные, но въ то же время разные въ тонѣ звуки „боталовъ“ (что-то специальное для скотины, не колокольчикъ и не бубенчикъ) отъ пасущихся, видимо, тутъ же въ „ночномъ“ коней.

А птицы? Все проснулось, все по своему поетъ, жужжитъ, стрекочетъ. И надъ всѣмъ этимъ солнце идетъ, поднимается, золотитъ, грѣетъ и радуется.

Доѣхавъ до мѣста, гдѣ водятся грибы, всѣ расходятся въ разныя стороны. Только кучера остаются при лошадяхъ.

Начинаются перекликанія; дѣвки — горничныя поютъ, не стѣсняясь хозяевъ; кучера все время звонятъ въ колокольчики, давая знать, гдѣ стоятъ телѣги.

И сколько нанесутъ всякихъ грибовъ въ эти телѣги! заполнять ихъ такъ, что даже для насъ, дѣтей, нѣтъ мѣста ѣхать обратно.

За нами приѣзжаетъ тарантасъ, запряженный „Воронкомъ“, огромнѣйшимъ застоявшимся жеребцомъ, на которомъ обычно возили мать въ монастырь къ обѣднѣ.

Прислуга обратно идетъ пѣшкомъ.

Утомленные воздухомъ, впечатлѣніями, раннимъ вставаніемъ мы въ ту ночь, едва добравшись до кроватей, засыпали какъ убитые.

ЗИМОЙ.

Зимой нашъ городокъ какъ островокъ средь массы — массы снѣга. И самъ имъ покрытъ весь. Даже на главной улицѣ снѣгъ бѣлый, чистый, незагаженный, какъ въ большихъ городахъ. Глубокій снѣгъ. На окраинахъ чуть не до крышъ домиковъ, къ которымъ изъ-за массы снѣга и пройти трудно.

Морозы стоятъ страшные. Цѣлые дни топятся печи, и дымъ изъ трубъ стоитъ столбомъ въ воздухѣ.

Но дома построены фундаментально: тепло въ нихъ, несмотря на то, что на улицѣ сорокъ градусовъ.

Прошли „введенскіе“ морозы. Идутъ „никольскіе“.

Жизнь нашего городка идетъ уже другимъ темпомъ, чѣмъ лѣтомъ.

Какъ самое важное — главное событіе — это была никольская ярмарка. Задолго, недѣли за двѣ уже идутъ обозы мороженного мяса. Тысячи тушъ большихъ и малыхъ. И все это останавливается въ городкѣ, не проходитъ, какъ раньше. Обозы мороженной рыбы, начиная отъ огромныхъ осетровъ и кончая мелкими пискарями. Необычныхъ размѣровъ тюки кудели; льяное сѣмя, битая птица и много-много зайцевъ и сорокъ, которыя, по словамъ отца, шли въ Парижъ барынямъ на шляпки. Все это свозится и ждетъ своего покупателя.

И они откуда то наѣзжали.

Проведетъ городокъ ярмарку, подправится матеріально и начинаютъ готовиться къ Рождеству. Каждый по своему, каждый по своимъ средствамъ. Но всѣ праздникъ ждали.

По вечерамъ, облѣпивъ отца, мы сидимъ въ гостинной, разучивая Рождество. Силимся дѣтскими голосами, подъ аккомпанйментъ гармоніи, вывести и „Дѣва днесъ“ — партесное.

Много, старательно поемъ.

Поемъ хоромъ, поемъ поодиначкѣ, чтобы въ праздникъ прославить родителямъ, а иной разъ и знакомымъ.

Дворникъ въ саду морозить ледяную гору.

Большая! Елочками по бокамъ обсажена. Потомъ будетъ фонарями украшена.

Братья лѣпятъ „ледянки“.

Ахъ, какъ все это хорошо, какъ весело!

Какъ весело сѣсть на саночки и пуститься внизъ съ горы...

Стремглавъ!

Нестись по „ладони“, свалиться, ткнувшись въ сугробъ!

Свалиться цѣлой грудой сѣдоковъ...

Вотъ и праздникъ подошелъ. Въ домѣ какая то особенная чистота, особенная тишина. Пахнетъ скипидаромъ, воскомъ и еще чѣмъ то пріятнымъ. Образа въ серебряныхъ ризахъ начищены, лампы тоже блестятъ, мигаютъ огоньками, освѣщая многочисленные лики угодниковъ, Спасителя, Божіей Матери.

Ведемъ себя „ниже травы, тише воды“ — хотимъ заслужить елку.

Ночь. Не хочется спать, а надо: въ три часа ударятъ къ заутренѣ, и намъ обѣщано, что поѣдемъ въ церковь.

Боже! сколько тамъ народу! Сколько священниковъ въ золотыхъ ризахъ!

Отстояли утреню, разговѣлись и спать.

А елка должна быть. Недаромъ въ гостинную дверь затворена.

Просыпаемся рано, вскакиваемъ и стремглавъ бѣжимъ въ гостинную.

Есть елка!

Да какая же пышная, нарядная, а подарковъ подъ елкой сколько!

Сидимъ босые, въ ночныхъ рубахахъ, обложились по ковру всякой всячиной. Какая радость, что Дѣдъ-Морозъ не забылъ насъ!

Пришли мальчишки-христославцы. Бѣжимъ слушать. Поютъ нескладно, путаясь, перевирая слова: „Волки со звѣздою петушествуютъ“.

Смѣемся: мы не такъ поемъ.

— Съ праздникомъ, хозяинъ съ хозяйшкой, а насъ съ золотой гривенкой, заканчиваютъ.

Даемъ по три копѣйки на человѣка.

Днемъ прїѣзжали монастырскіе священники. Толстые, лохматые монахи - басы ласково обходили накрытый во всю длину зала столъ, гдѣ бутылки съ разными этикетками, какъ солдаты на парадѣ, вытянулись правильной линіей.

Монастырскій протодьяконъ провозглашалъ „многолѣтіе дому сему“. Отъ сотрясенія воздуха рюмочки на тонкихъ ножкахъ нѣжно - нѣжно звучали.

Были приходскіе священники, возглавляемые протопопомъ о. Никифоромъ, который, на приглашеніе отца выпить, отвѣчалъ лаконически:

— Не потребляемъ.

Были пѣвчіе той и другой церкви.

Приходили городовые, караульные, пожарные, почтальоны и масса - масса визитеровъ.

Передъ обѣдомъ славили родителямъ. Отецъ хвалить и даетъ каждому по новенькому двадцатикопеечнику, а мать по крошечной рюмочкѣ кагору.

Опьяненные радостью подарковъ, елкой, а можетъ и рюмочкой кагора, шумимъ больше обыкновеннаго, что заставляетъ няню Татьяну пригрозить, что мы не будемъ на святкахъ маскироваться.

Ой, нѣтъ! Этого мы ждемъ не менѣе, чѣмъ елки. На святкахъ и не замаскироваться. Вѣдь какъ это дивно одѣться во что - то не такое, что постоянно носишь, и пойти къ знакомымъ, которые тебя „никакъ не могутъ узнать.“

А дѣлалось это такъ: мать доставала изъ сундука разныя бабушкины шелковыя шали, кружевыя мантильи, какіе - то изъ конскаго волоса локоны. И черезъ часъ мы, старшія дѣвочки, уже были: цыганки, турчанки, испанки, словомъ, какъ и во что выливалась въ томъ году фантазія матери. Братья были неизмѣнно старикъ и старуха, старикъ съ горбомъ изъ подушки и бородой изъ кудели, а старуха въ нянькиномъ сарафанѣ и съ ея же прялкой.

И „никто не можетъ узнать“, хотя кучеръ, какъ музыкантъ, и горничная, въ видѣ провожатой, съ нами.

Уже мы, дѣти, въ кроватяхъ: позднее время. Слышно, прислуга докладываетъ родителямъ: „маскированные пріѣхали“.

— Принимайте.

Нельзя не принять: вѣроятно не мало знакомыхъ, если не всѣ.

Музыка, кадрили, пѣніе хоромъ подь аккомпаниментъ гармоніи, на которой мастерски игралъ отецъ.

Лежишь въ постели, слушаешь:

— „Сре-ди до-ли-ны ров-ны-я“, несется изъ залы.

О! знаю, вотъ сейчасъ дойдуть до самага любимаго моего мѣста:

— „Вы-со-кій дубъ раз-вѣ-си-стый“ — отецъ гармонію растянулъ во всю длину, она тоже стала могучая въ звукѣ и развѣсистая въ формѣ.

Будуть пѣть “Пчелку”.

— Пче-лка зла-та-я, что жъ ты жуж-жишь?

И двадцать - тридцать голосовъ отвѣчаютъ:

— Жу-жу-жу.

Долго жужжать!

Глаза слипаются, засыпаю: пчела жужжить.

Такъ цѣлые святки: гости, маскированные, гаданья.

Все веселье кончалось Крешеньемъ. Въ сочельникъ Татьяна пекла „сочни“ (замѣшанныя на водѣ лепешки), которые мы ѣли, запивая святой водой, придя изъ церкви, и, чтобы не осквернять благости святой воды, скорѣй ложились спать.

Назавтра крестный ходъ на Иордань.

Торжественный былъ этотъ крестный ходъ: шли вмѣстѣ и монастырь, и приходская церковь.

Народу!..

Купцы въ енотовыхъ шубахъ, купчихи въ соболяхъ.

Смотръ мѣхамъ, смотръ невѣстамъ...

А назавтра скучно - скучно!

Кончилось Рождество, кончились святки, кончились дѣтскія радости...

И такъ, какъ я помню, изъ года въ годъ. И только въ одно Рождество, или, вѣрнѣе, наканунѣ одного Рождества у насъ случилось событіе, которое взволновало весь домъ отъ мала до велика.

Отецъ поѣхалъ по дѣламъ въ губернской городъ, откуда рѣшено было привезти въ гости Шурочку, дальнюю родственницу - сиротку.

Мы, дѣти, страшно радовались ея пріѣзду.

Наступилъ вечеръ. Морозъ крѣпнетъ. Небо темное - темное. Звѣзды яркія.

Прислушиваясь къ каждому отдаленному лаю, къ каждому колокольчику, ждемъ отца.

Мать безпокойно поглядываетъ на старинные съ хриплымъ боемъ часы въ столовой.

Уже десять, Нѣтъ отца.

Одиннадцать, двѣнадцать... Наконецъ, отдаленный лай, колокольчики... Ближе - ближе и оборвались у воротъ.

Слава Богу! пріѣхали!

Но тутъ произошло что - то непонятное.

Когда тройка подкатила и разомъ остановилась у воротъ, отецъ, до этого времени спавшій, проснулся, и... на свое великое изумленіе, Шурочки подлѣ себя не нашель...

— Шурочка потерялась!

Въ домъ переполохъ. Мать, ломая руки, вторяла:

— Боже, Боже! потерялъ несчастнаго ребенка!

А отецъ, не заходя въ домъ, поскакалъ обратно.

Въ двадцати верстахъ отъ города нашли Шурочку, какъ была, завернутой въ баранью шубу, спящей.

Назавтра кучеръ разсказываль:

— „Бдемь - бдемь. Слышно, волки воють то тамъ, то сямъ. Лошади, чуя звѣря, храпятъ. Николай Александровичъ стоитъ въ кошовѣ на ногахъ и все колотитъ меня кулакомъ въ спину — торопить, значить. Бдемь, глядимъ, нѣтъ ничего. Ну, думаю, не иначе — съѣли волки дитю. Анъ, глядь, на пригоркѣ что - то чернѣетъ. Не то волкъ, не то она. Подъѣзжаемъ, — она: лежитъ, лица не видно, уткнувшись въ шубу. Сгребъ ее Николай Александровичъ, она открыла глазки и зѣваетъ.“

Оказалось — выпала на ухабѣ.

Въ то Рождество Шурочка была предметомъ всеобщаго вниманія. А когда всѣ дивились, какъ это ее не съѣли волки, няня Татьянаушка говорила:

— „Въ ночь, когда родится Христось, и лютый звѣрь становится агнцемъ, а сонмы ангеловъ-хранителей идутъ въ мѣръ, утѣшая и оберегая всѣхъ сырыхъ — бездомныхъ дѣтей.“

Послѣ Крещенія начинались свадьбы.

Какъ въ городѣ, такъ и въ селѣ справлялись онѣ буйно: минимумъ недѣлю пили, заѣдая пельменями, которыхъ заранѣе заготовляли „на тысячи“.

Купечество „во хмѣлю“ конечно превосходило мужиковъ по своимъ выходкамъ, по своей разнузданности. Но... на то и свадьба, чтобы дать отдушину своей натурѣ.

Послѣднее зимнее событіе въ городѣ — масляница.

Уже съ понедѣльника чувствуется запахъ горѣлаго масла: хозяйки пробуютъ сковороды. Если не блины, то хоть аладьи, преженники, а нужно печь. Съ четверга пекутся блины, начинается ката-

ніе на лошадахъ. Опять каждый выѣзжаетъ по своимъ средствамъ, у кого сколько лошадей.

Купечество компаньями въ огромнѣйшихъ кошовахъ, украшенныхъ коврами, на тройкахъ съ бубенцами, шумно, съ пѣснями, разѣзжаетъ по окрестнымъ селамъ, мѣстечкамъ, возвращается въ городъ, снова уѣзжаетъ. Люди же съ болѣе слабыми силами на слабыхъ лошадахъ топчутся по городу часами.

И насъ возили „кататься“. Запрягали маленькаго Воронка, разстилали въ кошовѣ войлокъ, набрасывали подушекъ, укладывали насъ въ рядъ и, покрывши ватнымъ одѣяломъ, отправляли.

Правда, мы ничего не видѣли, но сознаніе, что ѣдемъ, что и мы выѣхали кататься, вполне насъ удовлетворяло.

Оживленіе на улицѣ кончалось съ первыми ударами колокола къ вечернѣ.

Кончена тогда масляница. Поѣхали всѣ по домамъ, поѣхали по роднымъ „за прощеньемъ“. Тамъ, въ гостяхъ, иные еще засидятся долго - долго.

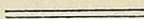
Но сельскіе парни зажгли огромный костеръ: жгутъ масляницу.

Смѣльчаки скачутъ черезъ костеръ: „очищаются“.

Городокъ замираетъ...

Наступаетъ Великій постъ...

На утро тишина въ городѣ. Людей даже мало кромѣ тѣхъ, кто идетъ въ церковь...

ЗВОНЪ.

Нашъ городокъ имѣеть еще одну особенность.

Проходившихъ и проѣзжавшихъ онъ могъ поразить своимъ необыкновеннымъ звономъ.

Это была гордость нашего городка..

Посреди его былъ старый монастырь, обнесенный, какъ крѣпость, высокою, съ зубцами, стѣной, по угламъ которой высились башни съ бойницами. Внутри двора, огромнаго, съ садомъ, съ кладбищемъ, множествомъ келій, находился храмъ, на колокольнѣ котораго было „тысячепудовое колоколо“, въ которомъ серебра было „наполовину“.

Такъ опредѣляли свое „колоколо“ монахи. Такъ говорили о немъ и жители городка.

Когда, кѣмъ былъ отлить этотъ колоколъ, никто не помнилъ.

Когда-то, кѣмъ-то отлить, поднять и звонить во славу Божію...

Было преданіе, что во времена нашествія и осады монастыря татарами, колокола на колокольнѣ звонили сами, чѣмъ воодушевляли монаховъ, и тѣ стойко держались въ своемъ монастырѣ - крѣпости, держались, пока татары не отступили.

Такъ ли это было, но звонъ въ монастырѣ былъ замѣчательный, особенный, который скрашивалъ все житье - бытѣе городишка.

Не отставала въ красотѣ звона и наша приходская церковь, но уступала въ силѣ удара — въ „звукъ“.

Монастырь всегда давалъ первый тонъ. Наша церковь не смѣла начинать благовѣстити ни въ будни, ни въ праздники. Нашъ звонарь слѣпой Никола пройдетъ, постукивая палкой, въ церковь, взберется по безчисленнымъ ступенькамъ на колокольню и, взявшись за веревку, ждетъ, когда ударить монастырь.

И вотъ подъ этотъ звонъ протекала жизнь городка.

Бывало, зимой еще темно, весь городишко спитъ, и вдругъ прорветъ тишину звонъ съ монастырской колокольни. Густой, серебристый. Дрожжитъ, стелется, насыщаетъ воздухъ, уходитъ куда-то въ даль далеко по рѣкѣ, занесеннымъ лугамъ, деревнямъ.

— Бу-у-м-м-м-мъ! Бу-у-м-м-м-мъ!

Разбудиль, залаяли собаки, застучали въ колотушки задремавшіе въ будкахъ ночные сторожа, заскрипѣлъ снѣгъ подъ ногами: старики - старухи идутъ къ заутренѣ.

Къ обѣднѣ снова зазвонятъ.

Теперь уже въ обѣихъ церквахъ.

Вотъ лѣтомъ, когда жара начинаетъ спадать, съ рѣки потянетъ чуть-чуть прохладой, городокъ огласится мирнымъ, мирнымъ звономъ къ вечернѣ.

Обыватель встрепенулся.

— Надо пить чай!

Весь нашъ городокъ вечерній чай пилъ подвѣчерню.

Это было на недѣлѣ. А по субботамъ всеобщая, и тогда чай пили уже послѣ бани, послѣ службы.

А баню нашъ городокъ любилъ такъ же, какъ звонъ, какъ чай. Какъ нельзя было представить кого-то въ городкѣ не пьющимъ три раза въ день чай, такъ нельзя представить, что кто-то въ субботу не былъ въ банѣ. Исключеніе представлялъ учитель духовнаго училища Африканъ Савичъ: онъ въ баню ходилъ по настроенію. Но... о немъ и рѣчи мало. Это вольнодумецъ.

Татьянушка, когда о немъ заходила рѣчь, всегда выражалась, правда, рѣзко немного, но для понимающаго человѣка убѣдительно:

— Ну, этого уже и люди обдѣяли, и собаки облаяли. Онъ на масляницѣ мясо ѣстъ.

— Мясо на масляницѣ? Ну, тогда не диво, что и въ баню ходитъ, когда вздумаетъ.

А на видъ Африканъ Савичъ какъ бы приличный человѣкъ, на службѣ точенъ, исправный, неумолимый въ наказаніи мальчишекъ.

— Все должно итти своимъ направленіемъ — было правило его жизни.

И вѣроятно этой особенностью его характера можно объяснить, что свою супругу Марью Гавриловну онъ схоронилъ, когда никто не былъ увѣренъ, что она мертва.

Не болѣла женщина, а что то сдѣлалось — умерла. Докторъ нѣмецъ Шмидтъ далъ удостовѣреніе, что умерла отъ сердца.

Жаль, но что сдѣлаешь?

По обычаю городка хоронили на третій день. День жаркій, въ Петровки. А она лежитъ, какъ-бы заснула.

Хотятъ горожане, кланяются покойницѣ, ди-

вятся ея виду. Тѣ, что посмѣлѣй, вслухъ самому вдовцу высказываютъ свое сомнѣніе:

— Не подождать ли съ похоронами?

Но Африканъ Савичъ человѣкъ порядка.

— Никакихъ отлагательствъ! Я приготовился къ похоронамъ, я потратился, у меня въ домѣ все вверхъ дномъ. Не могу и не могу.

Власти?

Но вѣдь нашъ же городокъ маленькій, тихонькій, заштатный. Можетъ власти понимали, что учителю духовнаго училища тяжело два раза въ жизни хоронить одну жену.

Не вмѣшались.

Схоронили...

А хоронили у насъ въ городкѣ, можно сказать, парадно, опять подъ звонъ.

Погребальный же звонъ былъ особенный, не похожій ни на какой другой: перезваниваютъ, переходя съ тона на тонъ, по-одиночкѣ, колокола, какъ будто охаютъ:

— Охъ, охъ, охъ!

А потомъ всѣ разомъ всхлипнуть и снова:

— Охъ, охъ, охъ!

И такъ долго, пока покойника не донесутъ до его послѣдняго жилища — могилы...

Еще часто бывало: среди ночи насъ будилъ монастырскій звонъ, какой-то опять особенный, звонъ Великаго Четверга. Тогда старуха няня Татьянушка поднималась съ постели, повязывая голову платкомъ, становилась передъ иконой, говоря:

— Инокъ въ монастырѣ скончался. Скажите, дѣтки: „упокой, Господи, новопреставленнаго раба Божія“. Перекреститесь!

Высовывается изъ-подъ одѣяла дѣтская рученка, крестится; повторяемъ сказанное няней. А ухо прислушивается къ однозвучному звону. Воображеніе рисуется, какъ съ каждымъ ударомъ колокола душа новопреставленнаго поднимается все выше и выше по какой то облачной лѣстницѣ...

А когда разыграется непогодь, забушууетъ вьюга, церкви опять звонять по очереди. То монастырская, то приходская. Рѣдко, протяжно несутся звонъ. Переплетаясь со свистомъ вѣтра, уносятся по полямъ, по лѣсамъ, давая знать застигнутымъ непогодой, куда идти.

Татьянушка, слушая этотъ звонъ, вздыхая, говорила:

— Охъ, хо-хо! не дай Богъ теперь заблудиться въ полѣ. Молитесь, дѣти, о „плавающихъ и путешествующихъ“.

А великопостный звонъ!

Безконечно монотонно звонить „монастырь“. Вторить ему „приходская“.

— Къ на-а-а-амъ! къ на-а-а-амъ!

Это „къ на-а-а-амъ!“ начиналось съ прощенаго воскресенья.

Татьянушка крестится и, обращаясь къ намъ, говорить строго:

— Слышите? кончилось бѣснованіе. Церковь зоветъ „къ намъ!“

И звонять-звонять упорно-печально цѣлый постъ вплоть до Великаго Четверга.

Въ Чистый Понедѣльникъ „чистятъ“ домъ. Трясутъ, моютъ, а главное „выжариваютъ“ посуду.

Воздухъ наполненъ гарью.

Люди идутъ въ баню, чтобы потомъ „чистымъ“ идти въ церковь на „канонъ“.

— „Откуда начну плакать?“ — читаетъ о. Никифоръ, нашъ старый протопопъ, высокимъ голосомъ, какъ бы покрывая всю толпу, весь народъ, за всѣхъ говоря съ кѣмъ-то.

Хорошо читалъ, проникновенно.

Посты соблюдали строго. Весь городъ, исключая совсѣмъ малыхъ, ѣлъ постное, даже и вольнодумецъ Африканъ Савичъ.

Съ первой недѣли распредѣляли, кто, когда будетъ говѣть: своя семья, прислуга, служащіе.

— Катерина Васильевна, а Катеньку нынче надо на исповѣдь вести, ей уже семь лѣтъ минуло, — говоритъ Татьянашка матери.

— Да, правда, Татьяна, ну, когда пойдешь говѣть, веди ее съ собой.

Цѣлую недѣлю ходимъ въ церковь.

Не скрою — тяжело и скучно было выстаивать великопостныя службы.

Стоишь, сидишь на корточкахъ, заглядываешь Татьянушкѣ въ глаза: „смилуйся де“, но она немолима: возьметъ меня за плечи, повернетъ лицомъ къ иконамъ:

— Стой!

За время говѣнья, долженъ былъ держать „воздержаніе“, т. е. не ѣсть много, не шумѣть, не дурѣть, не пѣть. Тяжело было!

Плетешься изъ церкви и соображаешь, что тебѣ сегодня дадутъ ѣсть. Грузди соленые, каша съ коноплянымъ масломъ совершенно не по душѣ, а также и гороховый кисель.

Но утѣшаешься, что это не всегда, что уже въ субботу будетъ другая ѣда и что для меня, какъ для причастницы, будетъ пирогъ съ малиной.

Хорошій, большой съ переплетинками.

Въ пятницу, передъ тѣмъ, какъ идти на исповѣдь, Татьянушка учитъ, какъ надо себя держать на исповѣди, что говорить о. Никифору (у него должна исповѣдаться).

— Спросить: „отца, мать слушаешься ли?“ говори: „грѣшна, батюшка“.

— „Богу не лѣнишься молиться?“ говори: „грѣшна, батюшка“.

— „Куколь не воровала ли?“...

— Скажу, не грѣшна, — посиѣшно вставляю.

— Ну, не грѣшна, значить, не принимай на себя грѣха, — отвѣчаетъ Татьянушка серьезно.

— А Настенька Пономарева украла у Лидочки кукленка, — говорю я. — Какъ теперь она будетъ?

— Должна каяться, всю жизнь каяться, — отвѣчаетъ Татьянушка.

— Всю жизнь? А стыдъ то какой каяться, что украла!

Ласково, хорошо исповѣдалъ о. Никифоръ меня. Велѣлъ посты соблюдать, велѣлъ не лѣнить въ церковь ходить, родителей слушаться, а о воровствѣ не спросилъ даже.

Послѣ исповѣди даже воды пить нельзя, а потому, чтобы не было соблазна на ѣду, скорѣй укладываешься спать.

Радостно бѣгу въ церковь къ причастью. Весело, что таки вытерпѣла все, что полагалось, что сейчасъ буду причастницей, какой-то особенной, не какъ другіе, кто не причастникъ. Служба въ церкви тоже была болѣе веселая, болѣе зная, ко-
торой я видѣла конецъ.

Стою впереди всѣхъ. Бѣлое накрахмаленное платье пріятно ширится во всѣ стороны. Волосы завитые съ вечера на шпильки непокорно торчатъ, перехваченные ленточкой. Усталости не чувствую. Пономарь Никандра Даниловичъ, маленькій суетливый съ сѣдой косичкой, вынесъ мнѣ на серебряномъ блюдечкѣ просфорку изъ алтаря, и я, подержавъ ее въ рукѣ, поцѣловала въ „темичко“, какъ дѣлаетъ это всегда мать.

Дома всѣ меня поздравляли съ принятіемъ Св. Тайнъ. Чувствовала себя хорошо, торжественно и все только боялась, чтобы не забыться и не плюнуть.

Въ срединѣ поста говѣла мать, говѣла въ обѣихъ церквахъ. Если обѣдню стоитъ въ нашей, то къ вечернѣ идетъ въ монастырь, чтобы не сказали, что которую-то обошла. Но исповѣдалась и причащалась въ нашей.

Высокая, красивая въ зеленомъ шелковомъ съ бѣлой полоской платьѣ „принцессъ“, съ тренемъ въ кружевной бѣлой мантильѣ, мать мнѣ казалась тогда царицей.

Въ день ея причастія весь городъ, всѣ знакомые перебивали, чтобы принести поздравленіе.

И такъ проходилъ Великій постъ вплоть до Великаго Четверга.

„Къ страстямъ“ благовѣстятъ по иному.

Слышится гулъ въ звонѣ, какъ бы напоминаніе о начавшихся мукахъ Спасителя.

— Не спите, бодрствуйте!

До двухъ часовъ ночи идетъ служба въ монастырѣ.

Рѣдко, отчетливо отсчитываетъ колоколь прочитанныя Евангелія.

Не спитъ городокъ.

Ходитъ молодежь съ огнями изъ приходской въ монастырь и обратно.

Мигаютъ огни въ бумажныхъ фонаряхъ.

А колоколь отсчитываетъ и отсчитываетъ Евангелія.

— Слава страстямъ Твоимъ, Господи!.

Пасхальный звонъ былъ „малиновый“.

Всѣ колокола пѣли, играли, ликовали. Ликованіе носилось въ воздухѣ вмѣстѣ съ ароматомъ земли, травы и цвѣтушей черемухи и сирени.

Ликовала церковь, ликовала природа, ликовали люди.

Но... еще былъ одинъ звонъ.

Страшный, жуткій звонъ, особенно насъ, дѣтей, приводившій въ трепеть.

Это: „набатъ“.

Этотъ звонъ нельзя забыть.

Вспоминается картина изъ ранняго дѣтства.

Поздней осенью, незадолго до Покрова, случился на нашей улицѣ пожаръ. Горѣло сѣно у купца Софронова. Ударили въ набатъ въ приходской церкви, большое колоколо било часто-часто.

Домъ заснулъ только-что первымъ сномъ. Повскакали съ постелей. Вся улица, весь дворъ освѣщены краснымъ заревомъ.

— Матушка, Царица Небесная, горимъ! — простонала Татьянашка.

И, какъ была въ длинной бѣлой рубахѣ съ розовыми рукавами, такъ куда-то и помчалась.

Мы, дѣти, трясаясь 'всѣмъ тѣломъ, заревѣли на разные голоса.

Минуть черезъ пять Татьянаушка вернулась, держа въ рукахъ небольшой почернѣвшій отъ времени образъ и, подавая мнѣ, сказала:

— Держи, Катенька, „Неопалимую“, а я буду васъ собирать.

— Бомъ, бомъ, бомъ, бомъ! — бьетъ колоколь.

Гонятъ по улицѣ, нахлестывая лошаденокъ, мужики съ водовозками, бѣгутъ бабы съ ведрами. Тащатъ какой-то скарбъ испуганные люди.

Провели или, вѣрнѣе, протащили подъ руки нашу слѣпую просфорню.

Проскакалъ нашъ кучеръ, наваливъ полонъ тарантасъ мануфактуры изъ софроновскаго магазина. Кусокъ розоваго ситца свалился съ тарантаса, зацѣпившись однимъ концомъ гдѣ-то на возу, и разматывается, разматывается.

А колоколь бьетъ и бьетъ!

Пожаръ разростается. Уже перекинуло на другой сѣноваль, на другой дворъ.

Забилъ „въ набать“ монастырь: даѣтъ знать о бѣдѣ другимъ селамъ, другимъ деревнямъ.

— О, Господи! уже „монастырь“ бьетъ! — стонетъ Татьянаушка.

У меня отъ страха стучать зубы.

— Уже монастырь бьетъ!

Какая то особенная бѣда: уже онъ заговорилъ!

Слышно, какъ рядомъ въ комнатѣ мать быстро-отрывочно открыла огромный сундукъ. Замки съ музыкой какъ то рывкнули. Горничныя Дунька и Дуныша на ходу бросаютъ въ него серебро, звеня ложками, вилками, ножами.

А монастырь все бьетъ и бьетъ попережку съ приходской.

Всю ночь до утра горѣло. Выгорѣла цѣлая часть городка. Остались головни, трубы и много-много погорѣльцевъ.

„Неопалимая“ отвратила бѣду отъ нашего дома.

Всколыхнулся городокъ. Пережилъ бѣду. Весной застроился выгорѣвшій край.

Но пришла новая бѣда.

Пришли люди — не татары, а свои,— пришли и осквернили храмы въ моемъ городкѣ. Вошли въ нихъ, не снимая шапокъ, ободрали всѣ ризы съ иконъ, все цѣнное добро унесли.

А много было добра въ нашихъ церквахъ.

Шель народъ „по обѣщанію“ въ нашу приходскую „къ вешнему Николѣ“, а въ монастырь „къ Успенью“. Несли свои трудовые гроши и „какъ изъ лепты трудовой, выросли храмы Божіи“.

Но людямъ, — не татарамъ, а своимъ — и этого было мало. Она пришли и сняли колокола.

И, какъ при осадѣ монастыря татарами, зазвонили колокола сами.

И зазвонилъ въ послѣдній разъ большой колоколь пятиглаваго монастырскаго храма.

Несется звонъ по полямъ, по селамъ-деревнямъ.

Ударъ за ударомъ.

Какъ въ Великій Четвергъ.

Не спи, проснись совѣсть человѣческая!

Еще ударъ, еще одна ступень облачно-прозрачная выше въ небо, къ самому престолу Бога!

Охнулъ въ послѣдній разъ...

Начали спускать по блокамъ...

Всхлипнулъ малые колокола, какъ дѣти, про-
вожающія отца въ далекій путь и... замолкли..

Увезли нашъ колокольъ...

Есть уже вмѣсто пыльнаго тракта желѣзная
дорога. Туда, на губернской городъ. А тамъ есть
пушечный заводъ Мотовилиха.

Туда увезли нашъ колоколь. Расплавили его
и перелили на оружіе.

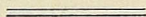
И потонетъ нашъ колоколь въ морѣ крови,
въ морѣ слезъ человѣческихъ, въ морѣ безумія.

И не зазвонитъ нашъ колоколь больше!

.....

А можетъ?

А можетъ среди темной ночи снова раздастся
набатный звонъ, чтобы разбудить всѣхъ, кто крѣпко
спитъ и ничего не слышитъ...

СТИХИ.

РАЗСКАЗЫ.

У ФОНТАНА СЛЕЗЪ.

Пришла моя муза, печальная муза,
Къ фонтану, чтобъ слезъ зачерпнуть.
А въ капляхъ алмазныхъ таилася греза
И тихо просилася въ грудь.

Я капля фонтана, печальная греза,
Я вздохъ одинокой души.
Возьми меня, муза, тебѣ я молюся,
Возьми... и съ собой унеси.

Къ тебѣ притаившись, я буду ласкаться,
Тебѣ въ благодарность я сказку скажу;
Съ тобою мы будемъ въ фонтанѣ купаться,
Что замеръ въ заглохшемъ саду.

Я капля фонтана, печальная греза.
Я вздохомъ его оживлю.
И снова забьется фонтанъ среди сада,
Игривую бросивъ струю.

Тебѣ расскажу я уснувшую повѣсть
О жизни при ханскомъ дворѣ,
О томъ, какъ рабыни въ фонтанѣ купались,
Какъ прятали слезы въ водѣ.

Какъ грустную пѣсню порой распѣвали,
 Гуляя въ тѣнистыхъ садахъ;
 Какъ, грѣясь на солнцѣ, о волѣ мечтали,
 О счастьѣ, о черныхъ очахъ.

О С Е Н Ъ .

Сыплются листья съ березы,
 Травы засохли кругомъ,
 Дыни поспѣли, арбузы,
 Поле желтѣетъ овсомъ.

Солнышко всходитъ позднѣе,
 Убыль замѣтно ужъ день,
 Ночи темнѣй — холоднѣе,
 Роемъ несетъ слѣпень.

Слышенъ прощальный „кур-лы“ журавлей,
 Тронулись утки на югъ,
 Скукой повѣяло съ чахлыхъ полей,
 Птицы совсѣмъ не поютъ.

СПОДОБИЛАСЬ.

— Давно Господь сподобилъ меня, землячка, попасть на Святую Гору. Давно, съ молоду, съ двадцати лѣтъ. Много до этого пережилъ, много перетерпѣлъ и когда попалъ туда, увидѣлъ, понялъ, что не зря мнѣ былъ данъ этотъ удѣлъ въ міру: не пришелъ бы я сюда въ молодые годы, а можетъ быть и никогда. Да, да, пути Господни неисповѣдимы!

Такъ началъ свой рассказъ о. Онисимъ, афонскій монахъ, попавшій сюда за сборомъ.

Обрадовался старичекъ, что нашель въ лицѣ меня землячку.

Сидитъ, глядитъ выцвѣтшими глазками прямо въ лицо, улыбается и все приговариваетъ:

— Да вотъ же, да вотъ же привель Господь гдѣ встрѣтить землячку! И, Господи, и машинка то у васъ какъ у моей маменьки — ручная. И вышивочки то крестиками, какъ намъ рубашки вышивали. Да Господи, да Господи!

Долго кудахталъ старикъ.

А когда я ему прочла о нашемъ городкѣ, о монастырѣ, онъ только и могъ сказать:

— Вотъ тебѣ! знай нашихъ, далматовскихъ: и мы не лыкомъ шиты!

Многое мы съ нимъ вспоминали, много рассказывали другъ другу. Дивился старикъ моей памяти, дивился, что не забыла нашъ „уральскій языкъ“. И въ концѣ концовъ рассказалъ мнѣ о своей жизни до монашества, а главное — о своей матери.

Плакалъ старикъ, вспоминая мать. Плакалъ слезами жалости, а плакалъ и отъ умиленія, и отъ благоговѣнія.

Много рассказывалъ, но я въ свою очередь хотѣла бы рассказать хоть часть его повѣсти: ужъ очень тяжела она й не мнѣ бы ее писать. Но, думаю, что суждено мнѣ написать хоть маленькое „житіе“ одной мученицы. Съ этой мыслию, съ этимъ желаніемъ я и беру въ руки перо.

— Жили мы въ Китайскѣ. Знаете, мѣстечко маленькое, но торговое, — главнымъ образомъ хлѣбомъ. Каждую пятницу были базары, на которые свозилась (конечно съ осени) масса пшеницы. Все это скупалось и переправлялось въ Екатеринбургъ.

Много было хлѣбниковъ въ городкѣ. Тѣмъ же самымъ занимался и нашъ папашенька. Дѣтей, кромѣ меня, было еще два брата и сестра. Были и старше, были и младше. Въ общемъ, семья была не маленькая.

Папашенька былъ челоѣкъ суровый, строгій и у маменьки покойной, я думаю (какъ я ее помню), уже кромѣ животнаго страха къ нему ничего не было.

А у него къ ней? Да Господь его знаетъ! Если что и было, то онъ, я думаю, не проявлялъ.

бы. Ужь очень онъ былъ тяжелаго характера. И вся семья жила въ вѣчномъ трепетѣ передъ нимъ.

Папашенька былъ трезвеникъ, куреніе табаку не прощаль, а въ особенности духовенству. За это ненавидѣлъ духовныхъ, изъ - за этого отпаль отъ церкви. Въ церкви въ продолженіи 35 лѣтъ не бываль. Не позволяль ни маменькѣ ходить, ну, а намъ уже и подавно. Но дѣтей крестиль: этого уже не могъ избѣжать.

Для духовенства двери дома нашего всегда были закрыты. Не дай Богъ, если куда пойдетъ или поѣдетъ и встрѣтитъ духовное лицо. Обругаетъ послѣдними словами, оплюетъ и вернется обратно.

Страшный въ своемъ гневѣ былъ папашенька! И Богъ его знаетъ, какое на кого у него было въ душѣ озлобленіе.

Бывало, нѣтъ дома 7-8 мѣсяцевъ, все гдѣ то по дѣламъ ѣздитъ. Куда поѣхаль, никто не дерзнетъ и спросить.

Никогда не напишетъ, а если и напишетъ, то старшему брату приказы по дѣламъ.

А чтобы хоть поклонъ послать маменькѣ, то нельзя было и подумать.

Уѣдетъ папашенька, какъ то легче станеть; вздохнетъ маменька, какъ будто даже и въ тѣлѣ начнетъ поправляться. И веселѣй станеть.

Помню, ходила къ намъ одна старушка. Вотъ такъ, придетъ безъ папашеньки, подадутъ самоварчикъ, поставятъ на столъ огурчики, груздочки, капустку, всякую солонинку. Сидятъ, разговариваютъ, закусываютъ, и даже маменька захотятъ поѣтъ.

Хорошо такъ, жалостно пѣли!

Особенно хорошо у нихъ выходила пѣснь о какомъ то „бѣдномъ мальчикѣ“.

Поютъ, а я уйду, залѣзу въ уголокъ палатей и плачу: ужъ такъ жалостна была эта пѣсня!

И вотъ, живемъ - живемъ мы такъ съ маменькой, не зная, когда вернется папашенька. И вдругъ, какъ снѣгъ на голову, звякнуть колокольчики у воротъ.

— Самъ пріѣхаль!

Маменька ни жива, ни мертва, только и можетъ сказать:

— Ребята! Отецъ пріѣхаль!

Да такъ, гдѣ стоитъ, тутъ и опустится: ноги то подкосятся.

Войдетъ папашенька. Ни слова ласковаго, не поздоровается, будто и не видитъ, что мы всѣ ему въ ноги кланяемся.

Собаченка обрадуется хозяину, ластится. Не глядя, ударить въ бокъ тяжелымъ сапогомъ; взвизнетъ животинька, отлетитъ далеко - далеко. А уже никто не смѣетъ пожалѣть.

Скинетъ поддѣвку, въ одномъ жилетѣ; заложитъ руки за спину и пойдетъ домъ, хозяйство осматривать.

Мать, какъ тѣнь, идетъ за папашенькой и на всѣ его придирки, на всѣ выпады едва слышно говоритъ:

— Извините, не досмотрѣла.

— Не досмотрѣла! и слышно, что въ горлѣ у папеньки что то булькаетъ.

Гнѣвъ подступаетъ.

А когда уже папенька начнутъ отрывочно, захлебываясь, что то говорить, маменька падала на колѣни, прося прощенія...

И о, Господи, начиналось тутъ что то страшное!

Билъ смертельнымъ боемъ онъ ее тогда. Выбрасывалъ съ балкона во дворъ. Заступиться никто и подумать не смѣлъ. Недѣлями лежала черная, распухшая. А потомъ опять какъ то оправится и встанеть.

Мученица была покойница.

Такъ жили мы, такъ протекала мученическая жизнь моей матери.

Мы, дѣти, росли, шли въ школу.

И вотъ, когда мнѣ было 16 лѣтъ, отецъ распорядился, чтобы меня и брата мать собирала въ путь.

Помню, горько плакалъ я всю ночь передъ отъѣздомъ. Жаль было оставлять маменьку, страшно было куда то итти за отцомъ.

Утромъ, чуть свѣтъ, съ солнышкомъ, встали, напились чайку, поклонились маменькѣ въ ноги и двинулись.

На околицѣ, въ загонѣ, насъ ожидало стадо лошадей, которое мы погнали въ Вѣрный, въ Семирѣчье.

Путь предстояло не малый перевалить. Шли нѣсколько мѣсяцевъ. Жили подъ открытымъ небомъ какъ цыгане. Оводъ заѣдалъ скотину, а съ нею и насъ. Двѣ - три изъ молодыхъ лошадей пали. Все это былъ убытокъ и за все то мы были въ отвѣтъ. Папашенька сами ѣхали въ телѣжкѣ съ

навѣсомъ — и отъ солнца укрыть, и отъ дождя, и отъ вѣтра, а мы или верхомъ, или пѣшкомъ.

Тяжкій былъ путь.

Когда пришли на мѣсто, была уже зима.

Старикъ замолкъ, опустилъ голову и, утеревъ лицо сѣрымъ платочкомъ, тяжело вздохнулъ, какъ бы набираясь снова силъ въ какой-то новый путь.

— Кончивъ дѣла въ Вѣрномъ и собравшись въ путь, отецъ мнѣ вдругъ заявилъ, что оставляетъ меня, что мнѣ нѣтъ мѣста въ кошевѣ.

Плакалъ я, ноги цѣловалъ отцу, но не умолилъ: не мѣнялъ отецъ своихъ рѣшеній. А братъ мнѣ шепчетъ, чтобы утромъ я все же пришелъ и хоть на запяткахъ сзади ухватился.

— Авось папашенька и сжалится.

Такъ я и сдѣлалъ.

Двинулись, молчитъ. Ёдемъ городомъ. Я какъ „эфрейторъ“ сзади. Но только выѣхали за околицу, папашенька встали во весь ростъ да какъ меня въ грудь кулакомъ ударятъ, да какъ въ лицо плюнутъ!...

Отлетѣлъ я далеко - далеко.

А снѣгъ глубокій...

Лежу, слушаю: колокольчики звенятъ-звенятъ:

— Динь - динь - динь.

Уѣхали, оставили въ чужомъ мѣстѣ. Въ карманѣ ни копейки, ни корки хлѣба...

Замолчалъ старикъ, лишь слезы, катившіяся по сухонькому лицу, говорили, что снова воскресъ въ памяти этотъ день его дѣтства.

— И пошелъ я бродить, искать себѣ счастья...

Тогда было проще: люди были сердечнѣй. Уже къ вечеру нашель работишку въ кондитерской — посуду мыть, а черезъ мѣсяць къ купцу Второву прикащикомъ попаль.

Работаль. Было не плохо жить, но скучно, одиноко. Остальные ребята по праздникамъ куда-то ходили, чѣмъ то забавлялись, а я никуда.

Да и не тянуло меня къ такой жизни.

И вотъ, помню, на „Введение“ это было. Сижу это я, и вдругъ близко такъ благовѣстять въ церкви. И такой то хорошій, какого я еще не слыхаль, былъ этотъ звонъ!

Захотѣлось мнѣ пойти въ церковь, хотя я въ ней никогда не бываль: папенька не позволяли.

Съ того дня, съ того времени, моя землячка, вся моя жизнь пошла по иному. Возлюбилъ я церковь матушку, потянуло меня къ Богу, къ уединенію, гдѣ бы я могъ молиться и за себя, и за маменьку, и за папашеньку, чтобы его Господь вразумилъ и смирилъ.

Много рассказывать, что было дальше. Едино скажу, что въ двадцать лѣтъ я былъ уже на Аѳонѣ, откуда, не страшась, писалъ отцу письма, напоминаль ему о концѣ, о смерти.

Великое испытаніе послаль Господь отцу на старости. Умеръ нищимъ: все потеряль — частью въ торговлѣ, частью отъ пожара; жилъ въ погребѣ.

И вотъ однажды, получивъ отъ меня письмо, пошелъ съ нимъ къ священнику.

— Нынче яйца курицу учать. Полюбуйся, что сынокъ пишетъ! сказалъ папашенька священнику, лишь войдя къ нему и протягивая мое письмо.

Долго съ нимъ священникъ бесѣдовалъ, и Господь увѣнчалъ его труды: отецъ передъ смертю пришелъ къ нему на исповѣдь.

— Плакалъ, сообщалъ священникъ, каялся въ своемъ жестокосердіи.

А маменька? Она послѣ смерти папашеньки пожелала уйти въ монастырь. Уважили ея желанье, помѣстили въ хорошій монастырь.

Тихо, въ уединеніи жила нѣсколько лѣтъ маменька. Постриглась.

Смерть свою провидѣла.

Въ прощенное воскресенье просила священника исповѣдать ее.

—Хочу, говоритъ, чтобъ вы меня исповѣдали: чувствую кончину.

Священникъ отговариваетъ, да и игуменія тоже.

— Въ Чистый Понедѣльникъ начнемъ всѣ готовиться къ исповѣди, общаютъ ей.

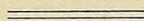
— Нѣтъ, благословите матушка исповѣдаться: чувствую кончину.

Исповѣдали, а ночью представилась. Тихо.

Послѣ исповѣди помолилась, легла и отдала свою измученную душу Богу.

— Хоронили торжественно, съ хоругвями, что не для всякой монахини дѣлается, закончилъ свой рассказъ старичекъ.

И уже теперь по его лицу текли слезы благоговѣнія.

МОЙ МАЛЬЧИКЪ СПИТЬ...

Онъ спитъ. Его вы не будите,
Не двигайтесь, не хлопайте дверьми;
Ужь если нужно вамъ, тихонечко пройдите.
Ну, право, какъ все странно межъ людьми:
Мой мальчикъ спитъ, они его тревожатъ,
Какъ будто онъ не встанетъ никогда;
Бѣгутъ смотрѣть, вѣнки на столикъ ложать.
Такихъ вѣнковъ не принесла бы я!
Мой мальчикъ спитъ. Его вы не будите,
Вѣдь онъ же такъ безумно уставалъ.
Его письмо послѣднее.. да вотъ оно, прочтите;
Вотъ слушайте, что мальчикъ мнѣ писалъ:

„Я такъ давно съ тобой разстался, мама,
За это время много былъ въ бою.
Былъ раненъ (зажила ужъ рана),
Посылку получилъ твою.
Конечно, ты, родная, сердцемъ чувствуешь,
Какъ не легко приходится сынку,
И мысленно вездѣ, повсюду съ нимъ тоскуешь,
И шлешь проклятія искусному врагу.
И часто, слушая угрюмые раскаты
Тяжелыхъ пушекъ, мыслью я съ тобой..
Воспоминанія! Они даютъ отвагу.
Я.. мамочка, чуть-чуть ужъ не герой“.

— Какой смѣшной, наивный — храбрый воинъ!
Онъ, „мамочка, чуть-чуть ужъ не герой“.
Хотя.. порою онъ на многое способенъ.
Ну, спи же, спи, мой милый, дорогой!

А вотъ въ концѣ письма ужъ слышится другое:
 Усталъ бѣдняжка, хочется уснуть.
 И пишетъ, что домой, въ село свое родное,
 Мечтаетъ на денекъ съ позицій заглянуть.
 Потому.. Тамъ было такъ безумно страшно,
 Какой-то адъ разверзся надъ землей.
 И онъ сражался тамъ такъ храбро, такъ отважно
 И спасся лишь молитвою моею.
 Но онъ усталъ, усталъ смертельно мальчикъ.
 И взялъ, и легъ вотъ тутъ же на землѣ...

.....

Теперь онъ спитъ. Не можетъ пробудиться;
 Иль просто лѣнь, заспался мальчуганъ,
 Какъ будто бы спѣшить покоемъ насладиться...
 Но, что это? трюмо завѣшено вонъ тамъ?
 Откройте, сбросьте покрывало!
 Пусть будетъ всюду радостно, свѣтло!
 Проснется онъ и будетъ, какъ бывало,
 Смѣясь и радуясь, заглядывать въ него...
 Но кто? Зачѣмъ такъ много набросали
 Цвѣтовъ къ нему?... Вотъ удивится онъ!
 Зато оцѣнить онъ: ему мы охраняли,
 Какъ принцу сказочному, тихій, сладкій сонъ...

Но тише, ради Бога, тише!..
 Мой мальчикъ спитъ безпечнымъ дѣтскимъ
сномъ,
 И пробужденія его я буду ждать въ оконной
нишѣ,
 Я — стражъ его... я стерегу его хрустальный
домъ.

ВРАГИ.

Задумчиво улыбаясь послѣднимъ лучемъ, серебрится на поверхности моря солнце, отражая изсиза-розовыя лѣниво ползущія облака. Вдали, у подножія горъ, стелется дымка тумана; тамъ и здѣсь въ ущельяхъ стоятъ неподвижныя хлопья бѣлыхъ облачковъ, дремлютъ, пока не подхватить ихъ шаловливый вѣтеръ и не вынесетъ на горы.

Задремали и въ садахъ мимозы, свернувъ въ трубочку свою узорчатую листву; сильнѣй запахла нарцисы, гіацинты; потянуло съ моря прохладой.

Медленно подходитъ, опускается на землю Пасхальная ночь.

Высоко надъ моремъ, у подножія горы, прилѣпилось большое каменное зданіе санаторіи.

Молчаливо, какъ стража, стоятъ рядами стройныя кипарисы, кудрявыя магноліи, кусты жимолости. Цѣпко по столбамъ веранды тянутся глициніи, дикій виноградъ, розы.

Тихо, уютно здѣсь...

Рѣзко прозвучалъ внутри дома колокольчикъ, въ окнахъ замелькали тѣни, кое-гдѣ потухло электричество. Ужинъ. Сейчасъ всѣ въ столовой.

Вотъ, высоко закидывая искусственную ногу, входитъ высокій рыжеватый полковникъ, за нимъ молоденькій, съ едва замѣтнымъ пушкомъ на губѣ,

подпоручикъ; вошелъ суроваго вида старикъ, съ массою орденовъ и безъ лѣваго глаза. Шли еще многіе, и тихо перекидываясь незначительными фразами, усаживались за столъ. Послѣднимъ вошелъ высокій, блѣдный, съ тонкими чертами, шаптенъ, лѣтъ 35, поручикъ Галимовъ и молча опустился рядомъ со старикомъ полковникомъ.

Всегда шумное, оживленное общество сегодня какъ то притихло, и даже балагуръ-проказникъ поручикъ Неченскій и тотъ смолкъ, уткнувшись въ свою тарелку. Какъ будто всѣ въ эту ночь хотѣли унестись подальше отсюда, куда забросила ихъ судьба противъ желанія; унестись мыслью въ родные углы необъятной Руси, къ далекимъ милымъ близкимъ сердцу людямъ.

Часы пробили девять.

Молчаливо глядитъ темная ночь въ окна каменнаго дома, не спятъ больные, хлопочетъ прислуга, готовясь къ празднику.

Вотъ упорно, настойчиво стучить въ сосѣдней комнатѣ искусственная нога рыжаго полковника, вотъ онъ дошелъ до окна, остановился, посмотрѣлъ, пошелъ обратно, теперь стоитъ у стѣны, на которой виситъ портретъ юноши, его сына. Онъ уже не прійдетъ въ Крымъ: тамъ, у подножія Карпатъ, оборвалась полная отваги молодая жизнь.

Вотъ гдѣ то сбоку, черезъ коридоръ, слышится пѣніе. Это поетъ полтавецъ Черненко, поетъ тихо, очевидно, переживая пѣсню. Но вдругъ, на половинѣ оборвался, закашлялся длиннымъ удушливымъ кашлемъ и уже больше не начиналъ пѣть. Слышно, прошелъ поваръ по коридору, поздравляя встрѣтившагося эконома „съ предве-

риемъ праздника“. Щелкнулъ замокъ отдѣльной комнатки, и оттуда, застегивая на ходу пальто, вышелъ поручикъ Галимовъ и, плотно притворивъ за собою дверь, направился на веранду.

Какъ хороша ты, темная южная ночь! Ярко выдѣляются звѣзды на фонѣ чернаго неба, полной грудью дышитъ спокойное море. Вотъ пробѣжалъ вѣтерокъ, затрепѣтала старая липа, гдѣ то свалился сгнившій сучекъ, съ пискомъ пролетѣла сова. И все замерло...

И офицеръ, откинувъ голову, лежалъ, не двигаясь. Ночь, баюкая его, шептала ему что то ласковое, пріятное...

Какія то розовыя, яркія дали открывались одна за другой, плыли облаками по бирюзовому небу, вспыхивали зарницей, разсыпались и снова появлялись...

И солнце свѣтило такъ ярко, и чьи то нѣжныя тонкія руки то обвивали его шею, то исчезали. И чьи то уста цѣловали, цѣловали безъ конца его уста.. И чей то ласковый, какъ весенній ручеекъ, голосъ шепталъ ему:

— Милый, хорошій! Я прилетѣла къ тебѣ съ теплымъ игривымъ вѣтеркомъ, съ ласковымъ яркимъ лучемъ солнца! Я искала тебя, долго искала! Я — твоя мечта, я сказка твоей жизни, я твоя далекая, далекая любовь...

И онъ, не открывая глазъ, слушалъ этотъ шепотъ, ловилъ поцѣлуи, и сердце такъ радостно, такъ трепетно билось въ его прострѣленной груди.

Воздухъ становился свѣжѣй, сырость пробиралась всюду, по тѣлу пробѣгала неприятная дрожь. Нужно было уходить, а уходить не хотѣлось. Хо-

тѣлось тепла и уюта, но не того, что скрывается вотъ за этой стеклянной дверью, а того далекаго прошлаго, какъ далекій, красивый сонъ.

Вставъ, Галимовъ припалъ пылающей головой къ холодному столбу веранды.

Тихо мерцали яркія звѣзды на небѣ, глухо вздыхало далекое море, вѣтерокъ шаловливо игралъ листьями липы, но вдругъ, сорвавшись, умчался за горы.

Притихла темная южная ночь, стоитъ молчаливымъ стражемъ у дверей времени и какъ бы своимъ молчаніемъ говорить:

— Тише ты, суетный, грѣшный міръ. Остановись! Преклони голову передъ событіями, имѣвшими мѣсто многіе вѣка тому назадъ въ такую же ночь!

И истекая кровавымъ потомъ подъ тяжестью креста, міръ замеръ въ ожиданіи свѣта — Воскресенія.

Гдѣ то рѣзко, неприятно загудѣлъ автомобиль, и жужжаніе какимъ то рѣзкимъ диссонансомъ ворвалось въ ночной покой...

Галимовъ, выпрямившись, смотрѣлъ въ темную прямую аллею, и ему казалось, что изъ этой темной полосы и несется тотъ неприятный стукъ и ревъ, который спугнулъ его сказку...

А моторъ гдѣ то уже совсѣмъ близко стучалъ, фыркалъ и наконецъ шумно подкатилъ къ дому.

Приѣхалъ кто то новый и, конечно, больной.

Галимовъ быстро направился въ комнаты. Не хотѣлось видѣть много разъ видѣнную картину: разбитое, измученное, съ безкровными губами лицо, повязки, костыли и т. п.

Войдя въ свою комнату, не зажигая свѣта, онъ легъ, стараясь побороть усиливающуюся дрожь, но тѣло дрожало, голова горѣла... Онъ сжался большимъ неуклюжимъ комкомъ и, горячо дыша, задремалъ.

Въ головѣ запрыгали какіе то сѣрые обрывки, покружась, стали принимать опредѣленныя формы. Вотъ изъ груды мѣшковъ, сѣрыхъ, грязныхъ отдѣлилось что то тоже сѣрое и идетъ къ нему... Да это его командиръ отдаетъ какой то приказъ! И всѣ мѣшки зашевелились и поползли, шлепая по жидкой грязи. И онъ съ ними бѣжитъ, но слышитъ, кто то его зоветъ. Оглянулся — Наташа! Повернулъ обратно, схватилъ ее на руки, а это уже не она, а денщикъ Михаилъ... А потомъ все исчезло, остался только песокъ, много-много горячаго песку, въ которомъ вязнетъ по горло усталое тѣло, и снова гдѣ то сбоку на горкѣ появилась Наташа и, снявъ съ головы красный шарфъ, стелетъ его по песку и весело кричитъ: „Иди здѣсь! Иди, не бойся, это не шарфъ, это желѣзо. Но шарфъ сдуло вѣтромъ, и онъ, покружась въ воздухѣ, упалъ ему на голову, давя своей тяжестью.

Взмахнувъ руками, открылъ глаза, въ комнатѣ огонь и надъ нимъ участливо сидитъ полковникъ съ искусственной ногой.

— Что, голубчикъ, нездоровится вамъ? Что-то вы очень стонете, да и голова горитъ, надо сказать доктору!

Проснувшійся молча лежалъ, стараясь припомнить видѣнный сонъ и, не теряя нити, отвѣтилъ:

— Да, что-то лихорадитъ порядкомъ, но это ничего, такъ, къ утру пройдетъ.

— А вы вставайте, скоро кончится служба, надо собраться всѣмъ „домомъ“ въ столовой, нельзя, — порядокъ такой, произнесъ, отечески нѣжно глядя лежащаго, полковникъ.

— Хорошо, хорошо, Николай Петровичъ, я выйду, я приду, но только... немножечко полежу, — добавилъ онъ, закрывая глаза. Полковникъ, вздохнувъ, поднялся и, стуча ногой, вышелъ.

— Наташа?..

Какъ это было давно и въ то же время недавно, когда онъ видѣлъ ее такой радостной, свѣтлой, доврчиво протягивающей ему руки! И, взявъ эти руки, онъ велъ ее и велъ по какимъ-то безконечно сѣрымъ дорогамъ, и она усталая, смокнувшая тащилась за нимъ, и изъ груди ея вырывался порой вздохъ сожалѣнья, стонъ несогрѣтой души...

Но подошелъ „тотъ“, менѣе мудрый въ жизни, подошелъ и вдунулъ въ нее жизнь—любовь, и женщина, какъ въ сказкѣ, проснулась; и спали оковы одиночества съ тоскливой души, и полилась красивая многогранная пѣсня любви... Но въ самый могучій, самый торжественный моментъ судьба надсмѣялась надъ ней: оборвались струны, не кончивъ пѣсни... не стало Наташи: въ первомъ крикѣ новорожденнаго потонулъ послѣдній счастливый вздохъ матери...

Ея не стало. И ненависть смѣнилась жалостью къ ней и завистью къ тому, который хотя короткое время, но слышалъ эту могучую пѣснь, пѣсню любви...

Въ корридорѣ рѣзко, непріятно зазвенѣлъ колокольчикъ. Кончилась служба. Идутъ разговляться...

Надо встать!

Вышелъ. Изъ столовой несется гудѣнье, всѣ столпились, христосуются, поздравляютъ другъ друга съ праздникомъ. Старикъ полковникъ одариваетъ всю молодежь писанками: тѣ радостно смѣются, цѣлуя его. Подошелъ и Галимовъ.

— А гдѣ же, господа, новичекъ? — обратился старикъ, не видя никого новаго.

— Онъ, бѣдняга, лежитъ, не можетъ встать, — отвѣтилъ кто-то изъ присутствующихъ.

— Ну, тогда идемъ мы къ нему! — поднялся старикъ, — нельзя, надо похристосоваться съ нимъ.

И толпа двинулась.

Въ большой полуосвѣщенной комнатѣ было совсѣмъ тихо и въ первую минуту казалось, что тутъ никого нѣтъ. Офицеры остановились въ нерѣшительности. Но вотъ въ дальнемъ углу на койкѣ кто-то зашевелился и, не поворачивая головы, вздохнулъ. Пришедшіе подошли ближе.

На высоко взбитыхъ подушкахъ, тяжело дыша, лежалъ почти юноша. Разстегнутый воротникъ сорочки открывалъ бѣлую исхудалую грудь; тонкое обрамленное темными волосами, съ маленькими усиками лицо было съ одной стороны обезображено большимъ краснымъ, очевидно, отъ сабельнаго удара шрамомъ. И шрамъ этотъ такъ не гармонировалъ ни съ бѣлымъ выпуклымъ лбомъ, ни съ темными пышными волосами. Какъ будто какая то неумѣлая рука склеила наскоро разбитую дорогую вазу, и работа эта такъ безобразила когда-то изящную, цѣнную вещь.

Тяжело вздохнувъ, больной открылъ глаза и, увидѣвъ толпу товарищей, хотѣлъ встать.

— Не надо, лежите! — остановилъ его полковникъ, — извините, если мы васъ разбудили, но хотѣлось всѣхъ поздравить съ праздникомъ.

И не дожидаясь отвѣта, онъ поцѣловалъ молодого человѣка въ запекшіяся губы.

— Спасибо вамъ, большое спасибо! — удерживая за руку старика, прошепталъ больной растроганно. — Меня въ дорогѣ такъ растрясло, что я положительно не въ силахъ подняться.

— И не надо! — еще разъ повторилъ старикъ.

Офицеры молча смотрѣли на его молодое, прекрасное съ одной и безобразное съ другой стороны лицо, на его исхудалую нѣжную шею, и имъ казалось, что въ лицѣ этого юноши они видятъ весь ужасъ войны, — все прекрасное стоптано, обезображено!

Долго офицеры толпились около больного, знакомились, спрашивали о ранахъ, обо всемъ. И только позади всѣхъ, смертельно поблѣднѣвшій, стоялъ Галимовъ и, не отрывая глазъ отъ больного, смотрѣлъ ему въ лицо.

Такъ вотъ гдѣ еще разъ судьба столкнула ихъ!..

И какое-то раздвоенное чувство мѣшало ему двинуться съ мѣста. Съ одной стороны ему было пріятно видѣть „его“, врага, причинившаго ему столько мукъ, разбитымъ, обезображеннымъ, одинокимъ, съ другой же стороны было нестерпимо жаль эту надломленную молодую жизнь. Жаль было видѣть „его“, съ которымъ связана память о Наташѣ, который несетъ въ своей душѣ ея послѣднюю улыбку, ея послѣдній вздохъ, такимъ безобразнымъ, больнымъ.

И ему хотѣлось бѣжать скорѣй дальше, за-

быть все, не видѣть, не помнить ничего! Или уснуть и видѣть снова ее, Наташу, любящую и жалѣющую Наташу...

И блѣдный, съ широко открытыми глазами, онъ стоялъ у постели своего врага, а тотъ безпомощный, слабый лежалъ и ждалъ чего-то страшнаго...

Всѣ смолкли.

Но вотъ больной зашевелился и, порывисто вскочивъ на постели, закричалъ:

— Не мучьте меня, не томите! Убейте! Да, убейте!.. Я не хочу такъ жить, я не могу такъ!.. Я хочу къ ней, къ моей Наташѣ...

Старикъ полковникъ, схвативъ его за руки, старался успокоить, кто-то совалъ стаканъ съ водой, кто-то звалъ доктора.

Но почему-то всѣ чувствовали, что эти два чело-вѣка несутъ въ своей душѣ какую-то величайшую общую для нихъ драму. И имъ было стыдно и страшно быть свидѣтелями этихъ интимныхъ чело-вѣческихъ страданій. Они старались не смотрѣть ни на вздрагивающаго отъ рыданій юношу, ни на смертельно блѣднаго, прислонившагося къ стѣнѣ Галимова.

Нашелся старикъ полковникъ. Обращаясь къ офицерамъ, онъ сказалъ:

— Господа, идите-ка въ столовую, а то, видите, чело-вѣкъ нездоровъ, разнервничался, надо дать ему покой. Идемте и вы, Аркадій Александровичъ. Идемте, голубчикъ, — произнесъ въ сторону Галимова и ужъ какъ-то тише, наклоняясь, добавилъ:

— Не надо, дорогой, не надо! Ради сегодняшняго дня!

Офицеры одинъ за другимъ вышли.

Начинало свѣтать. Предъутренній туманъ окутывалъ горы, разстился пеленой на поверхности моря, въ небесахъ блекли яркія звѣзды... Пробѣжалъ холодный вѣтерокъ, донесъ съ городской колокольни звонъ, напоминающій челоуѣчеству о праздникѣ Воскресенія, о наступающемъ разсвѣтѣ..

Галимовъ, отпрянувъ отъ стѣны, прислушивался къ звону. И вмѣстѣ съ волной звука къ нему опять прокралась воспоминанія прошлаго, опять передъ нимъ вставалъ образъ Наташи... Зачѣмъ въ эту минуту она между ними?

Вторично налетѣлъ вѣтерокъ, распахнулъ приоткрытое окно, пробѣжался по комнатѣ и... стихъ.

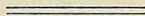
— „Я прилетѣла къ тебѣ съ теплымъ игривымъ вѣтеркомъ, съ ласковымъ лучемъ солнца“...

...Это она, его сказка.

Стихло, замерло все. Ушла! Ушла, какъ тогда, не примирившая даже своею смертью.

Нѣтъ, снова трепещется бѣлая занавѣсь окна, снова крадется въ комнату вѣтеръ, неся колокольный звонъ, торжественный, радостный, напоминающій о Воскресеніи..

И Галимовъ, протянувъ руки, двинулся навстрѣчу этимъ звукамъ и, радуясь радостью прощающаго, опустилсѣ къ изголовью больного...

УМИРАЮЩІЙ ВОИНЪ.

Лежу. Все попережнему море клокочетъ,
Море вѣчное, старо какъ міръ.
А въ горахъ снова филинь хохочетъ,
Снова мѣсяць балконъ освѣтилъ.
Все по старому изо дня въ день.
Какъ отшельникъ, ушедшій отъ міра,
Я лишь вижу прошедшаго тѣнь,
И въ прошедшемъ мнѣ грезится сила.
Мнѣ легко. Я здоровъ.
Это только лишь басни людскія,
Что на жизнь мнѣ накинута покровъ,
Что не встанутъ ужъ ноги больныя.
Нѣтъ, неправда! Нельзя въ это вѣрить,
Вѣрить въ то, что оконченъ мой путь,
Что я бьюсь, какъ подстрѣленный лебедь
И что прошлаго мнѣ не вернуть.
Слышишь рокотъ? То море людское,
Это братья — солдаты идутъ,
Послѣ жаркаго славнаго боя
Пѣсней силы ослабшимъ дають.
Это ухнулъ не филинь полночникъ,
Это ухають пушки вдали.
Вотъ съ доносомъ промчался развѣдчикъ,
Вотъ на небѣ ракеты зажгли,

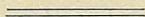
Вотъ, прислушайся, изъ лѣсу, съ боку,
 Затрещаль пулеметь, слышенъ ревъ.
 О, смѣлѣе, смѣлѣе въ атаку!
 Помоги же въ побѣдѣ намъ Богъ!
 Что ты мнѣ говоришь? кто тамъ плачетъ,
 Кто смѣется надъ горемъ страны?
 Кто посмѣль и сражаться не хочетъ?
 Развѣ тамъ не такіе жъ сыны?
 Я здоровъ и неправда, что боленъ.
 Слышишь, Родина-мать; я иду
 И по прежнему молодъ и силенъ,
 И на бой всѣхъ, кто честенъ, веду.

.

Нѣтъ, усталъ и не сдвинуться съ мѣста.
 Видно, вправду приходитъ конецъ.
 А оттуда.. все тяжкія вѣсти.
 Неужели жъ позорный вѣнецъ?
 О, зачѣмъ же тогда я сражался,
 И зачѣмъ тѣ миллионы крестовъ?
 Кто же тотъ, что такъ зло надругался,
 Кто вскормилъ здѣсь своихъ же враговъ?

.

Снова море тоскливо бушуетъ,
 Снова филинъ хохочетъ въ горахъ,
 Лишь безшумно калѣка тоскуетъ,
 Какъ подстрѣленный соколъ въ кустахъ.

МОЯ ВЕСНА.

(Изъ дневника „маленькой“.)

Опять весна. Чувствую ея дыханіе и въ веселомъ журчащемъ ручейкѣ, и въ грязной лужицѣ подъ окномъ, и въ медленно, медленно уходящемъ по вечерамъ солнцѣ, и въ разбухшихъ почкахъ на деревьяхъ.

Всюду!

Вся природа насторожилась, прислушивается и вотъ-вотъ скинетъ окончательно зимній уборъ и заблеститъ, засверкаетъ тысячами цвѣтовъ, тысячами красокъ, нѣжныхъ, свѣжихъ, весеннихъ красокъ.

Уйдетъ все хмурое, неподвижно-холодное, канетъ въ вѣчность, уступая молодому дорогу, уйдетъ, насмѣшливо улыбаясь молодой торопливости, уйдетъ старое, отжившее, чтобы не прійти больше...

Которая весна въ моей жизни? Не знаю, не помню, многая, очень многая!

Но и годъ, и два, и десять, и двадцать лѣтъ назадъ она одинаково хороша — моя юная, свѣтлая весна!

Люблю ли я ее теперь? Любила ли я ее пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, или полюбила когда то одну, далекую, милую — первую, познанную моимъ разумомъ, весну, и съ тѣхъ поръ я несу ее

въ душѣ. И взоръ мой, можетъ быть уже и старѣющей, ищетъ, ждетъ еще и еще ее видѣть!

Я жду, я прислушиваюсь: вотъ гдѣ то высоко-высоко въ небесномъ пространствѣ прокричали журавли...

Это она, моя милая гостыя — весна прилетѣла...

И знаю я, что завтра, послѣзавтра вскроется рѣчка; разбухшій, почернѣвшій ледъ съ трескомъ двинется, разрушая все, попадающее на пути; разольется вешней водой рѣчка, побурлитъ, побурлитъ, уляжется въ свое русло и потечетъ спокойно.

Улягутся и въ душѣ моей нахлынувшія, какъ вешнія воды, воспоминанія.

Мой старый испытанный другъ - дневникъ! Опять я буду вносить въ тебя спокойныя, подчасъ мудрыя замѣтки, буду говорить съ тобой языкомъ лѣта, осени, зимы.

Но теперь. Теперь я не могу съ тобой такъ бесѣдовать! Теперь тянетъ меня къ тѣмъ далекимъ, милымъ страничкамъ, къ выцвѣтшимъ отъ времени черниламъ, гдѣ бѣгутъ, журча, какъ весенніе ручейки, слова-мысли какой то знакомой и не знакомой мнѣ дѣвушки-весны.

— „Сегодня была именинница, и тетя Соня подарила мнѣ куклу“.

— Ахъ, это не то, не то!

Тутъ дѣтская радость смѣнилась горемъ: кукла, оставаясь долго на солнцѣ, вся обтаяла, такъ какъ была покрыта воскомъ. Какой же это былъ ужасъ, когда я увидѣла, вмѣсто своей красавицы-куклы, что то безобразно-красное!

Дальше - дальше!

— „Вчера у насъ въ гимназіи былъ балъ. Намъ разрѣшили танцевать съ „кавалерами“. Было очень весело, много конфектъ и любимаго моего Пирожнаго“.

Все не то, дальше!

— „Что онъ мнѣ вчера сказалъ?“

Да, вотъ, вотъ онъ, такъ дорогія странички!

— „Что онъ мнѣ вчера сказалъ? Кажется ничего особеннаго, только два раза я поймала его взглядъ на себѣ, пристальный, какой то внутренней, какъ будто бы онъ не лицо, а душу мою разсматривалъ. Что это?“

Опять пристальный украдкой взглядъ!

— Уже мѣсяць, какъ появился въ нашемъ домѣ этотъ не молодой изящный, воспитанный мужчина.

Что они тамъ съ матушкой разбираютъ въ бумагахъ отца?

Матушка съ каждымъ днемъ становится безпокойнѣй, растеряннѣй, я часто вижу ее заплаканной.

Меня это тревожитъ, я хочу найти случай видѣть его одного и узнать причину матушкинаго безпокойства. Мнѣ кажется, онъ ее знаетъ.

— Что это? въ тотъ день, когда онъ не бываетъ въ нашемъ домѣ, скучно, не хочется никуда итти, хочется, чтобъ скорѣй кончался этотъ день и наступалъ новый.

Сегодня, проходя черезъ бѣлый залъ, онъ увидѣлъ меня за колонной (я рисовала). Остановился, долго смотрѣлъ на работу и... прощаясь, поцѣловалъ руку.

Развѣ такой воспитанный человѣкъ не знаетъ, что у дѣвушекъ не цѣлуютъ рукъ?!

Ахъ, какъ это было хорошо! Онъ смутился, сталъ извиняться и поспѣшно ушелъ.

Я была у него. Не знаю, хотѣла ли я знать причину матушкинаго безпокойства или хотѣла видѣть его?

Какъ онъ изумился и обрадовался моему приходу!

Боже мой, мнѣ хочется плакать отъ обиды! Вчера за обѣдомъ, въ разговорѣ съ матушкой, онъ назвалъ меня: „маленькая дѣвочка“.

Развѣ я такая маленькая? Или можетъ для него, такого большого, такого умнаго, я маленькая?

Пятая недѣля поста. Матушка говѣеть. Случается, что я одна принимаю его. Боже, какъ дорогъ мнѣ этотъ человѣкъ!

Боюсь произнести, боюсь написать то страшное и, мнѣ кажется, роковое для меня слово, которое неудержимо хочется произнести въ его присутствіи!

Не выдержала, сказала!

Испугался, обрадовался, опустувшись въ кресло, долго сидѣлъ, закрывъ рукой глаза.

А потомъ?

Потомъ, взявъ меня за руку, подвелъ къ окну и, указывая по направленію къ саду, произнесъ:

— Моя родная, моя маленькая дѣвочка! Взгляни вонъ на то дерево, на которомъ уцѣлѣлъ прошлогодній листь!

Взгляни! Лопнули и развертываются въ молодую листву почки. Недѣля, двѣ — и все дерево

покроется пышной изумрудной зеленью... И какъ дико, дисгармонично будетъ видѣть этотъ старый пожелтѣвшій листь рядомъ съ молоденькимъ нѣжнымъ листочкомъ!

Такъ и я, моя дѣтка! Я въ сравненіи съ тобой — старый, изжившій, изорванный осеннимъ вѣтромъ и зимней стужей листь.

А я?

Я стояла и взглядомъ молила его о чемъ то.
О чемъ?

И схвативъ мою голову въ свои сильныя руки, онъ началъ цѣловать меня въ тонкій проборъ волосъ, въ глаза и, цѣлуя, все повторялъ:

— Не надо, не надо, моя родная, моя маленькая, похожая на мою первую ушедшую любовь, дѣтка, не надо меня такъ любить! Не надо!

Кого и какъ онъ тогда цѣловалъ? Меня ли какъ женщину, или какъ ребенка, или же? Или же въ лицѣ моемъ свою первую любовь? Я не знаю до сихъ поръ.

А въ это время съ рѣки доносился трескъ: ломался ледъ.

— Слышишь, слышишь, „маленькая“, какая страшная ломка происходитъ тамъ? Это вступила въ свои права весна, свѣтлая, сильная, жизнерадостная весна, и холодное хмурое, можетъ быть и мудрое, не ужилось рядомъ съ ней.“

.

Зачѣмъ онъ такъ говорилъ?

Зачѣмъ?

Вѣдь я тянулась тогда къ нему, какъ тянется все живущее къ солнцу, къ могучему, сильному

вѣчному солнцу, подъ лучами котораго нарождается и весна!

Но онъ не захотѣлъ, утратился, утратился освѣтить меня этимъ солнцемъ и... потушилъ, покрылъ инеемъ всходы, первые и милые всходы какихъ - то красивыхъ, пусть даже и однолѣтнихъ цвѣтовъ въ моей душѣ!

Позднѣе я гдѣ то прочла:

„Любовь — это жизнь, бояться любви — бояться жизни“.

Почему же онъ такой большой, такой мудрый, боялся жизни, а я, такая маленькая, не боялась ея?

Или то была весна? Сильная, не боящаяся ничего весна?

Не знаю!

Онъ... ушелъ тогда... ушелъ, не появляясь болѣе на моемъ пути, оставивъ только вотъ этотъ небольшой исписанный мелко-мелко клочекъ бумаги!

И тянутся годы, даже десятки годовъ, а клочекъ этотъ, какъ и авторъ его, для меня все милы, все дороги, какъ дорога каждая весна, несущая воспоминанія того далекаго прошлаго времени, вздохъ, эхо „моей весны“...

— „Когда ты получишь это письмо, моя дѣвочка, меня уже здѣсь, въ этихъ краяхъ, не будетъ. — Я уѣхалъ и уѣхалъ надолго!...“

Уѣхалъ потому, что это нужно для тебя. Я вижу, что съ каждымъ днемъ въ тебѣ пробуждается женщина и исчезаетъ ребенокъ, и что можетъ быть безсознательно, ошибочно, ты тянешься ко мнѣ.

Но, что же, что я могу тебѣ дать, немолодой семейный человекъ? Я могу тебѣ дать каплю счастья и бездну горя!...

Ты пойми, моя маленькая, что я тоже человекъ со всѣми его слабостями, пойми и прости меня, мой внезапный отъѣздъ.

Когда нибудь ты поймешь и скажешь мнѣ спасибо за это.

А теперь, прощай, моя свѣтлая дѣвочка! Иди смѣло въ жизнь. Дай Богъ тебѣ счастья. Большого настоящего счастья — ты его стоишь. Иди смѣло въ жизнь "...

Любовь — жизнь, жизнь — любовь.

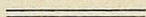
Я пошла...

Иду, давно-давно! И можетъ уже многое растеряла, осмѣяла изъ всего взятаго когда то. Но я храню, глубоко въ душѣ храню, то далекое, нѣжное, хотя и сломленное, но и въ смерти своей прекрасное — мою „первую весну“.

ПИСЬМО.

Письмо. Бумага пожелтѣла,
 Чернила сдѣлались блѣдны;
 Въ числѣ другихъ порвать хотѣла,
 Но почеркъ вспомнила руки.
 Но какъ могли вы сохраниться
 Далекой юности мечты,
 Въ столѣ истлѣвшихъ писемъ скрыться
 Давно забытые листы?
 Гдѣ та рука, что васъ писала;
 Гдѣ тотъ, что мыслью съ вами былъ;
 Душа, что тайны довѣряла,
 Свой трепеть, сердца первый пылъ?
 И кто онъ? Важная персона,
 Чиновникъ съ высохшей рукой,
 Дѣлецъ большой съ лицомъ гарсона,
 Идеалистъ съ пустой сумой?
 Быть можетъ важень, недоступень,
 Семейнымъ счастьемъ окружень,
 Давно забылъ про пачку писемъ
 И погрузился въ сытый сонъ?

А, можетъ, также разбираясь,
 И онъ найдетъ мое письмо,
 И, свѣтлымъ грезамъ отдаваясь,
 Прочтетъ какъ я, прочтетъ его.

БРОДЯГА.

Въ тотъ годъ пасха была ранняя. Снѣгъ согнало наполовину, и то на высокихъ открытыхъ мѣстахъ: въ болѣе же низкихъ онъ лежалъ тяжелымъ сѣрымъ пластомъ. Деревушка, расположенная въ долину, между горъ, представляла собою что-то пестрое: мѣстами на солнечной сторонѣ снѣгъ стоялъ, мѣстами былъ почти не тронутъ.

Была страстная суббота, и приближался вечеръ.

Кончивъ дѣла, крестьяне начали собираться артелями итти въ церковь за рѣку.

Одѣвшись тепло и захвативъ восковую свѣчку, движутся молча, опираясь на палки, мужики, а за ними бабы и дѣвки, подоткнувъ высоко сарафаны.

Тамъ и здѣсь топятся печи, это хозяйки готовятъ съ вечера „разговѣнье“.

На самомъ краю деревни стоитъ маленькая избенка. Бѣдно обнесенная, почти безъ пристроекъ, она походила скорѣй на баню, чѣмъ на жилой домъ.

Печи въ ней не топились, и только маленькая, безъ стекла, лампочка освѣщала убогую картину. Правда, изба была вымыта и полъ посыпанъ пескомъ, но все же было видно, что бѣдность свила себѣ здѣсь прочное гнѣздо.

Скрипнула дверь. Въ избу вошла высокая бѣлобрысая баба и, опустившись на лавку, поникла головой.

— Что, мамка, ничего не добыла? — спустивъ съ печи голову, произнесла лѣтъ 10-ти дѣвочка.

— Молока и яицъ добыла, а вотъ муки нѣтъ. Муки вѣдь надо у мужиковъ добывать, а они на насъ злы. Все попрекаютъ отцомъ, а чѣмъ мы виноваты, что онъ такой? Господи, кабы онъ зналъ, что въ Христовъ день мы будемъ безъ хлѣба. Гдѣ то онъ, чать тоже не „шаньги“ вѣсть.

И баба замолчала, очевидно, погружившись въ далекія воспоминанія.

А на полатяхъ въ это время поднялся шумъ. Спустя минуту, чуть не кубаремъ свалились оттуда четыре мальчишка въ возрастѣ отъ 4-хъ до 7-ми лѣтъ.

— Мамка, Афонька дерется, — сдѣлавъ плаксивую гримасу, проговорилъ одинъ изъ дѣтей.

— А онъ меня за волосы къ брусу привязалъ, оправдывается другой.

— О, Господи! Да перестанете ли вы, окаянные! — всплеснувъ руками, закричала мать. — Имъ все нипочемъ! Тутъ хоть разорвись, а они знай дерутся. Вотъ наказалъ меня Господь этой аравой! только за каки таки грѣхи терплю эти муки?

И баба заплакала.

Ребятишки притихли и полѣзли одинъ за другимъ на печь. Спрыгнула кошка съ печурки и, подойдя къ хозяйкѣ, начала мяукать.

— А ну, еще ты заскулила! Скоро сами будемъ сидѣть не ѣмши, а тутъ еще ты лѣзешь! — И баба пнула съ сердцемъ животное.

Кошка отлетѣла далеко на средину избы. Дѣтишки выглянули изъ-за печи и стали тихонько манить свою любимицу.

А баба, уставившись въ окно, смотритъ въ наступившую темноту. Потомъ, вздохнувъ, проговорила, обращаясь къ дѣтямъ:

— Гдѣ то, ребята, отецъ у насъ? Чать помнитъ насъ сегодня? Вотъ былъ бы дома, къ заутренѣ пошли бы, разговляться, какъ добры люди, стали бы, а вотъ нѣтъ его, такъ и ничего нѣтъ: и печка не топится, и шаньги не пекутся.

При воспоминаніи о шаньгахъ у ребятишекъ потекли слюнки, и старшая дѣвочка сказала:

— При тяткѣ у насъ „красуля“ была и молока сколько хошь было.

— Да, а вотъ теперь подбираемся Христа ради молочкомъ то, — проговорила сокрушенно мать. — А все изъ за кого? Все изъ-за старшины: не захотѣлъ принять отца и отца и „общество“ не приняло, не пожалѣлъ аспидъ дѣтей малыхъ и выкурилъ таки отца отселева.

— Мамка, а тятка долго не придетъ къ намъ? — раздался съ печи тоненькій дѣтскій голосокъ.

— Долго, дитяtko, долго онъ къ намъ не придетъ, нельзя ему суды приходиться. Какъ то мнѣ Господь поможетъ поднять васъ на ноги одной то? — проговорила тихо баба.

Дѣтишки молчали.

— Ложитесь-ка вы, ребята, спать, а то карасину сколь сгорить, — проговорила она и начала стлать какое-то тряпье.

Дѣти нехотя начали ложиться. Залопотали, засвистали на разные голоса. Кошка пошла въ под-

полье мышей ловить, а баба, погасивъ лампочку, зажгла восковой огарокъ у „Божницы“ и, опустившись на колѣна, начала молиться.

Устремивъ взоръ на деревянные образа, она шепчетъ слова молитвы, а изъ глазъ ея текутъ слезы, падая на деревянный полъ.

— Батюшка, Микола Милостивецъ, помоги мнѣ въ дѣлахъ моихъ! Будь заступникомъ и скорымъ помощникомъ въ бѣдахъ и напастяхъ моихъ, — шепчетъ баба и, истово крестясь, кладетъ земные поклоны.

Но вотъ огарокъ догорѣлъ, и начало тлѣть дерево. Баба поднялась, потушила огонь и сѣла, облокотившись на столъ.

Уже запѣли полночные пѣтухи, а она не спитъ и думаетъ. Въ головѣ промелькнула вся жизнь. И сколько баба ни припоминаетъ, а никакъ не найдетъ ничего свѣтлаго въ своей жизни — сплошь одна забота да работа! Въ дѣвкахъ жила не важно. Замужъ вышла — тоже не легче. Мужъ ходилъ бурлачить и все то лѣтничко все одна да одна въ работѣ. Въ домѣ по хозяйству прибывало мало; зато дѣти родились каждый годъ. Но все же жили какъ никакъ, пока не случилась бѣда. Загулялъ хозяинъ, прійдя съ заработка, подрался съ холостыми ребятами, въ результатѣ чего у старшинскаго племянника былъ снесенъ коломъ черепъ. Не успѣли до больницы довести, парень отдалъ Богу душу. А тамъ — судъ, затѣмъ арестантскія роты. И пошелъ мужикъ по „владимиркѣ“.

Тихо въ деревнѣ, тихо и въ природѣ. Вотъ ударили въ сельской церкви въ большой колоколь, и звонъ разнесся далеко по рѣкѣ. За селомъ, въ

полѣ вдругъ захрустѣлъ подмерзшій снѣгъ, и изо рва вылѣзъ человѣкъ, одѣтый въ короткую одежду, съ котелкомъ за плечами.

— Заутреня — проговорилъ онъ, крестясь, и направился къ деревнѣ.

Шелъ окольными путями, нащупывая дорогу палкой. Вотъ и гумна, и хлѣбные амбары. Тяжело дыша, человѣкъ присѣлъ на обрубокъ бревна и, всматриваясь въ темноту, проговорилъ:

— Надо итти скорѣй, пока не пошелъ народъ изъ церкви.

И направился къ крайней избушкѣ. Шагая осторожно, подошелъ къ избенкѣ и, прислушавшись, чуть-чуть постучалъ пальцемъ въ стекло.

Отвѣта не было.

А въ это время баба задремала, но сквозь сонъ услышала стукъ.

— Чтой-то, никакъ кто-то стукнулъ? — проговорила она, насторожившись.

А человѣкъ, подождавъ, еще стукнулъ, но на этотъ разъ сильнѣй.

— Такъ и есть! Да кого-же это Господь несетъ? — и отодвинувъ „оконницу“, она спросила:

— Кто тутъ? Что надо?

— Это я, Марья, — раздался у самага ея лица голосъ мужа.

Марья въ ужасѣ отшатнулась отъ окна и происнесла:

— Съ нами крестная сила! Чтой-то никакъ „блзнить мнѣ“.

А мужикъ, прильнувъ къ створкѣ, говоритъ:

— Марья, да это я, пусти скорѣе, пока никто не увидѣлъ.

Но баба никакъ не придетъ въ себя.

— Што-жъ, видно, такъ и непустишь? — заговорилъ снова голосъ съ улицы.

Баба дрожала, какъ въ лихорадкѣ, но пошла отворять дверь.

— Да неужто это ты, Евстигней?

— Я самый и есть. Вотъ пришелъ на васъ посмотрѣть. Да пусти же ты меня въ избу-то, вѣдь я весь продрогъ, — проговорилъ онъ съ досадой.

Баба молча дала дорогу гостю. Вошли. Мужикъ перекрестился и, обращаясь къ женѣ, сказалъ:

— Ну, здорово, Марья, Христось Воскресе!

И они трижды облобызались.

— Да какъ же это ты попалъ суды-то? — заговорила баба. — Вѣдь тебѣ нельзя здѣсь проживать.

— Знаю, что нельзя, — проговорилъ угрюмо мужикъ. — А вотъ захотѣлось мнѣ побывать у себя въ деревнѣ и вотъ ты хоть што дѣлай.

— Да вѣдь тебя утрѣ-же заберуть.

— Ну, до утра-то еще далеко, мы до утра-то еще куды катнемъ.

— Такъ зачѣмъ же ты шель, коли до утра обратно уйдешь? — недоумѣваетъ Марья.

— Зачѣмъ? А вотъ за тобой.

— За мной? Да куды же я съ тобой пойду? Куды мы ребятъ то дѣнемъ?

— Ребятъ пусть миръ кормить, — отвѣтилъ угрюмо бродяга.

— Да нѣтъ, я не пойду никуды отъ нихъ. Што я, сука какая, што ли, что дѣтей своихъ покидаю?!

— А вотъ, если хочешь быть живой, такъ собирайся сейчасъ же, а не то...

И мужикъ полѣзъ за голенище сапога. У Марьи отъ страху сердце „захолонуло“ и, едва перебирая языкомъ, она промолвила:

— Ну, что-жъ, — твоя воля, ты воленъ и надъ дѣтьми, и надо мной.

— Ну, а коли воленъ, такъ и не перечь мнѣ и собирайся, пока не разсвѣло, а теперь дай чѣмъ-нибудь разговѣться.

— Было бы чѣмъ разговѣться то, — уныло проговорила Марья, но все же принесла каравай хлѣба и пару яицъ и, поставивъ все это передъ мужемъ, полѣзла взглянуть на спящихъ дѣтей.

— Матушка, Царица Небесная, прости меня грѣшницу! — шепчетъ баба, наклонившись надъ дѣтьми.

А въ это время, кончивъ ѣду, мужикъ, взявъ сгонъ, залѣзъ на печь и освѣтилъ спящихъ дѣтишекъ.

— Ну, Христось Воскресе, ребятки! — сказалъ онъ, всматриваясь въ спящія лица. — Оставайтесь съ Богомъ, пусть васъ миръ кормить.

И поставивъ лампочку на брусъ, началъ крестить дѣтей.

Свѣтъ ударилъ въ глаза спящему мальчику, и онъ проснулся.

— Тятка пришелъ, — залепеталъ радостно ребенокъ.

Но отецъ моментально потушилъ огонь, а мать, глядя мальчика, проговорила:

— Спи, спи, батюшка, какой тебѣ тятка увидѣлся? Спи, а то свинья придетъ и съѣстъ тебя.

Ребенокъ тотчасъ заснулъ, и мать тихо спустилась съ печи.

Тихо, крадучись, вышли бѣглецы изъ дома, прошли „задами“ и вышли къ хлѣбнымъ амбарамъ—

— Ты иди вотъ тутъ дорогой, а я тебя сейчасъ нагоню, — сказалъ мужъ и скрылся въ темнотѣ.

Черезъ пять минутъ, миновавъ гумна, они уже поднялись на гору, и когда, поднявшись на самую вершину, Марья обернулась, чтобы взглянуть вполсѣдокъ на деревню, то ахнула: въ деревнѣ былъ пожаръ. Дымъ черными клубами поднимался высоко, и клочья горящей соломы фейерверкомъ разсыпались на фонѣ темнаго неба.

— Батюшки родимые, пожаръ то какой! О, Господи, ребятишки то у меня тамъ погибнуть! — простонала она, опускаясь на землю.

— Не, не погибнуть! Это не избы, хлѣбъ мірской горитъ, — проговорилъ злобно бродяга.

А пожаръ разростался и разростался: амбары, какъ гигантскія плоски, одинъ за другимъ зажигались и зажигались.

И страшный, непасхальный звонъ набата жутко раздался въ ночной тишинѣ, замирая гдѣ-то высоко въ небесахъ.

СКАЗКИ БАБУШКИ ТАТЬЯНЫ.

Много пѣсенъ надъ вами я пѣла,
Много слезъ по ночамъ пролила,
И кручина, какъ ржа, меня ѣла:
Все страшилась за жизнь — за сынка.

Провела не безпечную младость:
Хилый былъ мой одинъ паренекъ.
И какъ въ битвѣ неравной я билась,
Чтобъ остался въ живыхъ мой сынокъ.

И всю молодость, будто въ больницѣ,
На дежурствѣ безъ смѣны сестра,
Изгоняла болѣзнь по крупницѣ,
Не щадила ни силъ, ни себя...

Много пѣсенъ я пѣла надъ вами,
Много слезъ пролила по ночамъ,
И болѣла, болѣла годами,
И молила здоровье сынкамъ.

Отъ неравной ли битвы житейской,
Отъ кручины ли вѣчной моей —
Разболѣлась сама лиходѣйски
Неожиданно ранней весной.

Много слезъ пролила той весною,
Много страха таила въ груди.
И не плакала я надъ собою,
А о томъ, что останетесь вы.

Кто-то будетъ беречь мнѣ сыночка?
Кто пригрѣтъ, полѣчитъ его?
Только ноченька, темная ночка
Знала горюшко-горе мое...

Но Господь пожалѣлъ мою младость:
Поднялась и опять съ вами я.
Да не знаю, на горе ли-радость
Не пригрѣла несчастной земля.

Много горя я съ вами познала,
Много скорби гнѣздится въ груди.
Сказку всю до конца рассказала,
А другая еще впереди.

НОВОГОДНЕЕ СЧАСТЬЕ.

Это было давно-давно: въ тѣ благословенныя времена, когда обывателю не надо было за собственный полтинникъ пить „ханжи“ или искать ломоты въ суставахъ, чтобы добыть скляночку спирта изъ аптеки и обращаться съ нимъ, какъ съ какой то заморской рѣдкостью; когда не было на Руси ругательства „ханженкины дѣти“, а были любезныя сердцу „казенки“, у которыхъ стояли просто „пьяницы“ съ фіолетовыми носами.

Да, такъ, повторяю, это было въ тѣ времена.

Возвратившись со службы, чиновникъ контрольной палаты Чижиковъ, человѣкъ, трудно поддающийся опредѣленію въ годахъ, наружности худой, длинный, какъ телефонный столбъ, съ глазами на выкатѣ, съ толстыми вывороченными губами и съ обмороженными когда то въ молодости носомъ и ушами, сидѣлъ и аккуратно выводилъ на четвертушкѣ бумаги какія то цифры.

Супруга его, Марья Павловна, издерганное, издержанное, какъ старая туфля, плоскогрудое, съ вытянутымъ отъ бесчисленныхъ родовъ животомъ, существо, сидѣла около и, устремивъ выцвѣтшіе глаза въ дальній уголъ комнаты, что то бормотала, загибая костлявые пальцы.

— Ну, такъ бишь, на чемъ мы остановились, мамка? — прервалъ ее Чижиковъ.

— Да, ты говоришь, что будетъ трехъ бутылкохъ водки и при томъ только одну подъ бѣлой печатью!

— Ну, да, конечно, — заговорила торопливо, какъ бы боясь, что мужъ не согласится съ ея доводами, Чижикова, — конечно, будетъ. Закуску рано ставить не буду, бѣлую вначалѣ, а потомъ ужъ никто не разберетъ, что пьеть!

— Ну, на этотъ счетъ, ты, кажется, ошибаешься, — замѣтилъ Чижиковъ женѣ, — въ чемъ другомъ, а въ водкѣ толкъ знаемъ.

— Ну, и знайте! — уже повышаетъ голосъ супруга, — пусть, кому надо, пьютъ дома съ бѣлыми, да встрѣчаютъ Новый годъ съ шампанскими и не шляются по чужимъ дворамъ каждый годъ. До 20-го то еще сколько? А у насъ ужъ ни жалованья, ни награды, все ухнули!... Люди то умѣютъ какъ жить. Тѣ же Гнѣдочкины, тѣ же Шмаревы, — они, небось, не встрѣчаютъ Новыхъ годовъ дома, а ждутъ, чтобъ кто-нибудь пригласилъ ихъ. А мы, подумаешь, богачи какіе: каждый годъ гости!...

Чижиковъ сидѣлъ, подперевъ костлявыми руками подбородокъ, и разговоръ жены ему неприятно, какъ скобящее желѣзо, дергалъ нервы. Привыкъ онъ съ дѣтства встрѣчать Новый годъ дома, привыкъ въ тотъ вечеръ казаться веселѣе, чѣмъ на самомъ дѣлѣ, если не напиться, то казаться пьянымъ, положить на икону билетики съ надписью: „богато“, „среднему“ и „бѣдно“, держать въ рукѣ кусочекъ чернаго хлѣба съ золотой монеткой и... даже сломать чтонибудь...

Это, говорятъ, приноситъ счастье, а счастья кто же не хочетъ?

А ему, Чижикову, всю жизнь хочется счастья, да какого! Большого счастья! Хотя, въ чемъ оно должно заключаться, онъ пока не придумалъ. Вообще, счастья и только! Ну, а развѣ въ чужихъ людяхъ сдѣлаешь все это? Нѣтъ!

— А разъ нѣтъ, то чиновникъ Чижиковъ долженъ встрѣчать Новый годъ дома.

— Ну, значитъ, такъ: три бутылки водки. По смѣтѣ прошли. Двѣ бутылки кагору — лишка, по моему. Ну, да ладно — прошла. Дальше: полтора фунта вареной колбасы. А не маловато будетъ?

— Полтора фунта! Да ты знаешь, какая это палка? разводя приблизительно на аршинъ и постепенно суживая руки, — оппонируетъ Чижикова. — Потоньше нарѣжу, такъ двѣ тарелки будетъ.

— Ой-ли! Недовѣрчиво тянетъ Чижиковъ. — Три селедки „рѣзаная шейка“... Ну, вотъ этого то ужъ мало! Ты подумай: три хвоста и три головы, что же тутъ остается?

— Да, ну, конечно, вамъ подавай только солонину, а потомъ „зузите“ пиво, — уже злобно, очевидно, вспомнивъ, что стоитъ въ переводѣ на пивныя бутылки „рѣзаная шейка“, ворчитъ Чижикова. — Ну, ладно, поставимъ четыре!

— Теперь полдюжины пива — не лишка!

— Господи, столько вылакать за одну ночь! — тоскуетъ жена. Тонъ, ничего не обѣщающій хорошаго, и потому мужъ спѣшитъ согласиться и на пивѣ.

— Теперь три фунта щуки на пирогъ. А ладно ли щучій пирогъ, мамка?

— А что же, прикажешь осетрины покупать? Нѣтъ она, осетринка то, кусается нынче, отъ хво-

ста 45 к. фунтъ. Ладно, и этого лишка! Какъ въ прошломъ году, эта „финтифлюшка“ Шмариха: „Что это, говорить, у васъ, Марья Павловна, пирогъ изъ нельмы! Прекрасная рыба нельма. Когда, говорить, мой папочка былъ капитаномъ парохода, и мы плавали по Иртышу, то всегда кушали нельму!“

— Нельма, — говорю, — нельма, кушайте! — подавись, думаю, на здоровье, не видишь ты, что подлѣ нельмы не лежала. Все хочеть показать, какъ она жила, что вдала...

Смѣта окончена.

Вечеръ. Начинають сходитья гости. Дѣтишки, тринадцатилѣтній рябенкій, съ блѣдными, какъ пельменный сочень, ушами, Ильюшка и восьмилѣтняя худенькая Лизочка должны отворять гостямъ двери.

Въ домѣ усилено освѣщеніе, отчего пахнетъ больше обычного керосиномъ, съ кухни тянетъ чадомъ, селедкой и еще чѣмъ то.

Чижиговъ привѣтливо, отъ души, встрѣчаетъ гостей, Чижигова тоже, перемогая себя, цѣлуется съ гостями и, шурша своей новой, на коленкоровой подкладкѣ „реформой“, носится изъ комнаты въ кухню.

Раскинули столъ и, чтобы скоротать время до встрѣчи, стали играть по маленькой въ ступолку.

Мужчины играли солидно, умѣло скрывая радость отъ выигрыша и досаду отъ проигрыша, дамы нервничали, злились при неудачахъ, говорили колкости другъ другу и прятали выигрыши въ чулокъ.

Въ 11 часовъ Марья Павловна стала накрывать столъ.

Гости оживились, повеселѣли. Затѣмъ, послѣ нѣкоторыхъ дебатовъ, рѣшили составить кадрили. Гнѣдочкина должна была пѣть, такъ какъ музыки не было никакой. Дирижировать танцами вызвался вольнонаемный писецъ Желтобрюховъ. Вспомнивъ молодость, дамы кокетничали, визжали, мужнины шаркали ногами и, выворачивая локти, вели своихъ дамъ на мѣста.

Началась кадрили.

Закативъ глаза и склонивъ на бокъ голову, поетъ что то Гнѣдочкина, но голосъ ея, какъ „гласъ вопіющаго въ пустынѣ“, тонетъ въ зычномъ голосѣ Желтобрюхова, который, выпятивъ налившіеся кровью глаза, кричитъ что то.

Пары пугаются, хохочутъ, абажуры на лампахъ звенятъ, ребятишки отъ удовольствія хлопаютъ въ ладоши.

— Аво, плясь! Аво плясь! — надрывается Желтобрюховъ и, взмахивая фалдами рыжаго сюртука, выдѣлываетъ какіе то выкрутасы, не входящія по правиламъ въ кадрили.

— Шерше медамъ!

— Пр-р-р-о-о-менажъ! — вопить дирижеръ, схватывая свою даму подъ руку, и бѣжитъ въ спальню, а оттуда въ кухню.

Кадрили кончена. Гости красные, потные, но довольные, опускаются въ изнеможеніи по мѣстамъ.

Наступилъ томительный жуткій моментъ, когда часовая стрѣлка подползала къ двѣнадцати.

Налиты рюмки — мужчинамъ бѣлое, дамамъ

красное. Аппетитно красуются „рѣзаныя шейки“ съ заткнутымъ пучкомъ зеленого лука во рту, колбаса, телячій студень, а гвоздь всего ужина — щучій пирогъ — еще на кухнѣ.

Еще двѣ-три минуты и хозяинъ, крѣпко сжимая въ одной рукѣ рюмку, а въ другой кусокъ хлѣба съ деньгами, провозглашаетъ:

— Ну, господа... двѣнадцать часовъ, Новый годъ наступилъ... Поздравляю васъ, всего хорошаго, всего, что ваша душа пожелаетъ!..

— А мнѣ? — спрашиваетъ онъ. Мнѣ господа... мнѣ? Ну, что же мнѣ? Ну, пожелайте 200 тысячъ выиграть, — вдругъ неожиданно заключилъ онъ.

— У-р-ра!!

— У-р-р-р-а!! — подхватываютъ на разные голоса присутствующіе и, перечекавшись, пьютъ.

Принесли пирогъ.

„Финтифлюшка“ Шмарева такъ же, какъ и въ прошломъ году, кушая шуку, называла ее нельмой, а Чижикова такъ же, затаивъ насмѣшку, угощала ее..

Словомъ, все шло какъ и въ прошломъ году.

Два часа ночи.

Водки и пива выпито куда больше половины, отъ селедокъ лежатъ только головы (хвосты унесли дѣти), колбасы 3-4 ломтика, а хозяинъ уже впалъ въ то желанное для него и нестерпимое для жены состояніе, состояніе „все нипочемъ“, состояніе разрушенія..

Ужъ лежало нѣсколько рюмокъ съ одбитыми ножками. Сшиблена съ тумбочки банка цвѣтовъ, а

самъ Чижиковъ, прижавъ къ стѣнѣ Гнѣдочкина, лилъ ему на голову красное вино.

Долговязый помощникъ столоначальника Кручининъ ползалъ, сгребая въ кучу половики, у ногъ свояченицы Гнѣдочкина, молоденькой вдовушки, изъясняясь ей на какомъ то одному ему извѣстномъ языкѣ въ любви.

Четыре часа утра. Уже все выпито, все съедено, не исключая и варенаго мяса. Когда чуть не всѣ цвѣточки бѣдной Чижиковой лежали сваленными въ груду, Чижиковъ наконецъ усталъ веселиться и, не долго думая, тутъ же улегся на единственный въ домѣ мягкій диванъ.

Черезъ минуту послышался храпъ...

Дамы, не вѣря въ искренность этого сна, поспѣшно одѣвъ шубы и таща въ рукахъ галоши, выбѣжали на улицу. За ними, грузно ступая, двинулись и мужчины.

Вечеръ кончился.

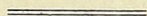
А на завтра?

Боже мой, Боже!...

На своей двухспальной, широкой, какъ товарная платформа, кровати, лежалъ бѣдный Чижиковъ и отъ нестерпимой головной боли жалобно стоналъ...

Онъ еще сталъ худѣе, и лицо его съ жидкой растительностью, перетянутое по лбу мокрымъ полотенцемъ, было похоже на бабье...

— Здравствуйте, г-нъ Чижиковъ! Съ Новымъ годомъ!

17-ое СЕНТЯБРЯ.

Былъ день. Былъ важный день,
 Когда Надежды, Софьи, Вѣры,
 Какъ на парадъ офицеры,
 Стояли въ рядъ по всѣмъ церквамъ
 Съ мольбой въ душѣ ко всѣмъ богамъ.
 Когда съ презентами курьеры,
 Не зная ни отдыха, ни мѣры,
 Отъ дома къ дому шли гурьбой
 Въ надеждѣ на пятакъ, другой.
 Когда чиновники безъ сна
 Стучать депеши за три дня,
 Въ глазахъ рябятъ Надежды, Вѣры
 И все одни, одни припѣвы:
 „Желаемъ счастья, долго жить,
 Не зная заботъ, богатой быть“.

То было раньше, въ дни былого.
 Съ тѣхъ поръ ушло воды ужъ много,
 Теперь мы въ бѣженствѣ живемъ
 И пѣсенъ старыхъ не поемъ.
 Не ждемъ курьеровъ со цвѣтами
 (Приносятъ гости это сами),
 Открыткой вспомнить старый другъ,
 Цѣлуешь, пишешь про недугъ.

Нѣтъ прежнихъ дней, рѣки раздоля,
 Гостей веселыхъ три застолья,
 Уныль и скучень разговоръ,
 Во всемъ сквозить тоска, уморъ.
 Не манитъ томный звукъ рояля,
 Не мчится въ вихрѣ вальса пара,
 Гусарь не крутитъ лихо усь,
 На столъ не ставятъ пышный мусъ.
 Все въ прошломъ. Все куда-то скрылось
 (Иль просто такъ красиво снилось),
 Слаба надежда на возвратъ
 И страхъ — замучить этотъ адъ.

ЗАКАТЪ ВЪ КРЫМУ.

Ты видала, какъ лаской послѣднею
 Солнце землю ласкаетъ порой,
 Какъ румянится небо въ созвѣздіи
 Надъ усталой горячей землей?
 Какъ въ молчаніи сонно задумчивомъ
 Опускають головки цвѣты,
 Какъ на храмѣ въ сіяньи торжественномъ
 Величаво блистають кресты?
 Какъ неслышно рукою заботливой
 Одѣваются горы въ туманъ,
 И какъ тѣнью густою причудливой
 Пробирается ночь по низамъ?
 Какъ на морѣ игриво-шумливая
 Нѣгой дышетъ лѣниво волна,
 И какъ чайка на мачтѣ крикливая
 Засыпаетъ до завтра, до дня?

МАРЬИНА ЖИЗНЬ.

ВЪ ГОРОДЪ.

„И пишу я вамъ дорогая супруга што я пока благодаря всевышняго Живъ и нивредимъ и што былъ уже вчетырехъ бояхъ и што въ однимъ рукопашнымъ отбилса отсвоея роты и не зная куды детця притулился поддрево а штобы сохранить ноги закопаль их у землю и было мне страсть жутко тутося сидеть По причине того што и наши и ерманскіе пули летали надголовой какъ дождь. и еще стало тоскливея и страшнея когда шрапнель оторвало половину того древа и я уже прощалса сбелымъ светомъ и смоими родителями и своей деревней и сваи моей супругой. а потомъ усе стихло и я пошоль бродить а на завтре дошоль досвоихъ. А на пасху мы получили гастинцы такъ што у каждымъ кисете и сахаръ и пуговицы и табакъ и мыло вроде какъ куры снесли яицомъ али бы пискленкомъ. А когда я сидель поддревомъ мне вдругъ стало жалостно што тебя билъ батя за твое покрытство я жъ ему балакаль чи мій грехъ а винъ говоритъ усе равно она меня опозорила. А Иванъ Гормиловъ што избежлюдова погибъ еройской смертью будучи вразведкахъ а пока желаю вамъ отъ господа здоровья и вделахъ вашихъ успеха вашъ супругъ Иванъ Снегурченко. немецъ тарабанить дюже ужо ночью пойдемъ ва-

таку. Еще прошу васъ любезная наша супруга не забывать и надругихъ незаглядываться если вернусь усе равно узнаю все ваши непристойности и тогда вамъ будетъ плохо“ — читаетъ на распѣвъ, съ трудомъ разбирая каракули письма, дворникъ Данила.

Адресатка - кухарка Марья, изъ деревенскихъ, молодая красивая баба, молча слушаетъ чтеніе, поможая догадываться въ неразобранномъ.

Когда дошли до того мѣста, гдѣ мужъ описываетъ, какъ онъ сидѣлъ „поддревомъ“, гдѣ надъ его головой сыпались „какъ дождь“ пули, Марья ахнула, поблѣднѣла и, какъ-бы сброняясь отъ чего-то страшнаго, закрыла лицо руками. На Данилу это сообщеніе не произвело особеннаго впечатлѣнія, и онъ продолжалъ такъ же усердно читать слѣдующія строки солдатскаго письма.

— „А когда я сидѣлъ поддревомъ мнѣ вдругъ стало жалостно што тебя билъ батя за твое покрытство“ — тянетъ безстрастно однотонно мужикъ, но на словѣ „покрытство“ останавливается. Держа заскорузлыми руками письмо и какъ-то хитро подмигнувъ, онъ произнесъ:

— Ишь ты, какое дѣло то, Марья Митровна! што жъ вы ужъ больно теперича то неприступничаєте? Аль, пока батя за косы таскаль, умошь разжились?

Марья, всыхнувъ до корня волосъ, молча слушала дворника, его, какъ буравомъ буравящую сердце, рѣчь и не могла ничего сказать.

— Брось, Марья, вальяжничать, — гудить Данила, подвигаясь ближе, — мы теперъ знаемъ изъ какихъ вы.

Что-то подступило къ горлу, хочется Марьѣ крикнуть дворнику, чтобъ не подходилъ онъ къ ней съ такими рѣчами, и не смѣть: развѣ повѣрятъ люди, что то, что случилось въ дѣвкахъ, не случится сейчасъ? нѣтъ.

И горько ей, что еще одинъ человекъ узналъ объ ея безчестьи, и рада она, что въ такую страшную минуту жизни вспомнилъ ея мужъ объ ихъ общемъ грѣхѣ, объ ея великомъ дѣвичьемъ позорѣ. И, уткнувшись въ грязный фартукъ, она сидитъ, тихонько раскачиваясь на скрипучемъ стулѣ.

О чемъ она думала?

А Данила читаетъ дальше, гдѣ говорится о „еройской смерти“ Ивана Гормилова; дошелъ и до того мѣста, гдѣ Иванъ проситъ не забывать его.

Подняла Марья заплаканное лицо: смѣется, не забылъ ее Иванъ, любитъ, кабы не любилъ, не грозился бы наказать за измѣну.

— Аль рада, што сулятъ оттрепать? — говорить насмѣшливо Данила, глядя Марьѣ въ лицо, въ ея оскаленные бѣлые, какъ рѣпа, зубы.

— У, чертовка! дрянъ поганая, туда же чванится еще! во мнѣ городскія барышни души не чаютъ. Вонъ наемдни генеральша Слонина, што въ № 10-мъ живутъ, устрѣтила меня и говорить:

— Смотри, Данила, не отказывай, коли я къ тебѣ свахой приду.

— Какъ, говорю, можно, ваше превосходительство, только, говорю, мы не заслужили такой чести.

— Да уже, говорятъ, заслужилъ, не заслужилъ, а моя Аннушка по тебѣ сохнетъ.

— Видѣла ты такую штучку, што генеральскія горнишны въ меня влюбимшись? — важничаетъ Данила, выпячивая грудь. — А ты што? необразованная, посконь лапотная, да еще туда же нось воротить! — уже съ какой-то ненавистью цѣдитъ онъ.

— Марья! а ежели онъ, твой хозяинъ, су-всѣмъ не воротится али какимъ нито калѣкой придетъ, примѣрно, безногимъ, тогда што? — роняетъ какъ камни свои безстрастныя слова Данила.

— Не дай Богъ! — шепчетъ Марья.

— Вотъ то-то же, не дай Богъ, — повторяетъ дворникъ. — И усе равно, тогда пойдешь по рукамъ, такъ неча и теперь упускать случай.

Марья тупо глядитъ въ лоснящееся лицо дворника, въ его толстыя какъ у негра губы и ненависть подступаетъ все ближе и ближе къ ея сердцу. И вдругъ, вскочивъ, она ударила его кулакомъ въ грудь, рванула серебряную цѣпочку, что висѣла у него на его кругломъ животѣ и, вся дрожа отъ обиды, закричала:

— Уйдешь ли ты, пёсь окаянный, отъ меня?

Дворникъ въ изумленіи отступилъ къ двери и, боясь, чтобы не услышали господа, поспѣшно выбѣжалъ на лѣстницу, молча показывая кулакъ.

Долго еще сидитъ Марья на скрипучемъ стулѣ, держа въ рукахъ мужнино письмо. Сѣрое засушенное далекое посланіе вливаетъ въ душу радость, заставляя сильнѣе биться сердце тѣмъ строкамъ, гдѣ говорится о жалости, ревности, съ болью сжимается, гдѣ нависла страшная опасность. И она глядитъ на строчки, стараясь угадать, въ

которомъ мѣстѣ написано одно и въ которомъ другое.

Долго въ ту ночь не могла заснуть Марья. Все думаетъ о письмѣ, объ Иванѣ.

Гдѣ то онъ теперь? можетъ, въ тотъ разъ, когда сидѣлъ подѣ деревомъ, смерть прошла мимо, а назавтра скосила...

Уже забрезжился свѣтъ, засвистала какая-то пичужка въ сосѣднемъ саду, кой-гдѣ улицей загромыхали крестьянскія телѣги. А Марья все еще не засыпала: измаялась отъ думъ, осунулась, поблѣднѣла и уже не старается и заснуть — все равно думы пересилили, какъ осиный рой кружатся, жалятся, причиняютъ боль.

И только слышно, какъ порой вздохнетъ всей грудью баба, перекинетъ руку за голову и опять стихнетъ...

ВЪ ДЕРЕВНѢ.

На высокомъ берегу Днѣпра, когда то очень глубокаго въ этомъ мѣстѣ, а теперь пересохшаго до обыкновенной рѣченки, пріютилось село Крутоярѣе.

Бѣлыя мазанки, крытыя камышемъ, клуни, скирды лежалой соломы придавали ему какой-то сѣрый, напоминающій отвалъ, видъ, и лишь нарядно скрашивала картину деревянная церковь, сверкавшая палевою краской корпуса и зеленой крышъ.

Воскресенье. День клонится къ закату. Въ воздухѣ носится пыль отъ только что проѣхавшихъ водовозокъ, жужжать комары, мычать коровы, кой гдѣ слышна гармоника и пѣсня.

Въ огородѣ Митрея Гончарука мелькнула какая то фигура, однимъ прыжкомъ перескочивъ черезъ изгородь и остановясь, тихонько засвистала.

Темно, ни зги не видно. Но человекъ, очевидно, знакомъ съ мѣстностью. Увѣренно шагая, идетъ къ дереву, что въ углу огорода растетъ; по временамъ останавливаясь, прислушивается къ чему то и, чуть-чуть свиснувъ, опять идетъ.

— Иванъ! послышалось гдѣ-то совсѣмъ близко.

— Иванъ!

И сбоку, отъ копна сѣна, отдѣлилась другая фигура.

— Марунька, ты? ишь, ты, куда запряталась! сегодня што-ли нагармовали? — отозвался идущій и направился въ сторону женщины.

Марунька — Марья — дочь Митрея Гончарука, лѣтъ 18-ти, здоровая, задорная воструха, убѣдившись, что родители заснули, проскользнула, какъ тать, изъ избы да и гуляетъ въ темную ночь со своимъ Иваномъ.

Вольно у нихъ на деревнѣ живется дѣвкамъ: гуляй, веселись, выбирай себѣ по сердцу милаго, но... только не загуливайся, блюди себя, свою чистоту, не оставайся съ глазу на глазъ съ парубкомъ. А вотъ она, Марунька, пришла да и не впервые темной ноченькой къ Ивану: лучше безъ людей, ласковѣй Иванъ, сердечнѣй, воркуетъ якъ голубь надъ своей голубицей. Да и сама безъ людей лучше скажешь, что на сердцѣ.

А на сердцѣ то ой какъ много!

Обхватилъ Иванъ Маруньку своей сильной рукой, посадилъ на душистое сѣно, опустил ся рядомъ и сидятъ, прислонясь другъ къ другу головами.

И не хочется никому говорить..

Зачѣмъ? они безъ словъ другъ друга понимаютъ.

Изъ-за лѣса показалось красное зарево луны, стало свѣтлѣе, начали выдѣляться избы, блеснулъ церковный крестъ, а черезъ минуту показался мѣсяцъ, освѣтивъ парочку. Закричали полночные пѣтухи; протяжно нарушивъ тишину, тявкнули кое-гдѣ собаченки.

Пора бы тебѣ, Марунька, домой да Иванъ не пускаетъ, лаской больше прежняго осыпаетъ.

Видно, еще посидятъ часокъ-другой, пока зорька алая не проснется. Никто на узнаетъ, гдѣ была дѣвка, а что видѣлъ мѣсяцъ ясный, того онъ никому не скажетъ...

Большіе хлопоты въ избѣ Митрея Гончарука, много суетъ бабъ съ подоткнутыми подолами, стучать больше обыкновеннаго подкованные сапоги его бабы въ разныхъ куткахъ двора, по мерзлой землѣ, по скрипучимъ половицамъ клѣти. Суетится баба, варить варенуху, скоро у нея пиръ горой: дочку Маруньку выдаетъ замужъ, надо не ударить въ грязь лицомъ, свадьбу справить весело, пирно. Только что то жутко ей порой, глядя на дочку: кажись бы, должна быть рада, что идетъ за того, кого сама выбрала, а она хмурится, якъ осенній день печалуется и все норовитъ оттянуть свадьбу подальше...

Ой, спаси, Царица Небесная, не знаетъ ли за собой дѣвка бѣды? Да нѣтъ — просто хочетъ еще дѣвченка погулять, понѣжится у родной матери: родная мать пожалѣетъ, лишней работой не надѣлитъ, за всякую проруху не поторить.

Снуеть народъ по деревнѣ, бѣжитъ къ Ивановой хатѣ: всѣмъ хочется поглядѣть на молодуху; хоть она и выросла у нихъ на глазахъ да все же хочется видѣть пировье, видѣть „дары“, чѣмъ обдарить молодыхъ „поѣзжанъ“, много ли наткала-наиряла полотенцевъ-настольниковъ. Сегодня все будетъ развѣшано по стѣнамъ, нѣтъ никому запрета — приходи, смотри, считай.

Но сегодня пировье „тихое“: нельзя, неизвѣстно, стоитъ ли молодая веселья?

Какъ въ воду опущенная сидитъ Марунька за занавѣской, гдѣ ей бабы плетутъ волосы на двѣ косы, надѣвають бабью „кику“, закрываютъ дѣвью красоту тяжелымъ уборомъ.

Не страшна бы ей была и кика тяжелая, если-бы не случился съ ней грѣхъ дѣвичій, за который понесетъ она завтра отвѣтъ передъ родителями, а паче всего передъ всѣмъ міромъ честнымъ.

Захолонуло сердце Маруньки, не рада она и замужеству. Будто не чуетъ, что сидитъ съ ней рядомъ ея Иванъ, ея радость, ея и несчастье.

И какъ это вышло, что забыла она, что придется ей отвѣтъ давать?

Спитъ крѣпко хмѣльный Митрей, завалившись головой подъ скамью, спятъ и ребятышки на палатяхъ. Не спится только матери: она уже на ногахъ, ждетъ — вотъ-вотъ придутъ „пѣсенники“, придутъ сваты благодарить за дочку...

Какъ то она, не посрамить ли ихъ на старости?

Чу, подходятъ! Много что то больно горланять, просятъ мать съ отцомъ выйти на улицу.

Насилу растолкала мужа — заспался. А народъ галдитъ, въ заслонки, ведра бьетъ и ой, что то неладное поеть!

Вышелъ Митрей изъ хаты, а сваты уже подносятъ ему вино, низко кланяются, благодарять за дочку, что съумѣлъ сохранить, въ чести мужу предоставить.

Взялъ Митрей стаканъ, а дно отшиблено, вино по подносу разлилось...

Потемнѣло въ глазахъ у мужика..

— Ну, спасибо тебѣ, дочка любезная!

Пошелъ, скрутилъ возжи, смочилъ соленой водой и направился къ Ивановой хатѣ.

Нѣтъ краснаго флага на трубѣ, идетъ лишь дымъ черный: это свекруха обѣдъ варить.

Вышла Марунька на крыльцо. Страшная, блѣдная, заголосила, повалилась въ ноги отцу.

Не взвидѣлъ свѣта Божьяго Митрей при видѣ дочери „покрытки“: осрамѣла она его на всю деревню, на всю округу!

Схватилъ онъ дочь виновную, сорвалъ кикую тяжелую. Пусть видятъ бабу косматою, непокрытою!.. и другимъ дѣвкамъ острастка будетъ!

Долго неслись изъ зепертаго амбара вопли Маруньки, долго тѣшился Митрей надъ Марунькинымъ безчестьемъ.

Ушелъ Иванъ на задворки, чтобъ не такъ слышали его уши жалобныхъ криковъ Марунькиныхъ. Такъ бы взялъ и выхватилъ ее оттуда, пожалѣлъ бы отъ всего сердца, да нельзя. Нельзя, никто не воленъ указать отцу, коли онъ наказываетъ дочь преступную - неразумную. Да и засмѣютъ его, Ивана, что можетъ онъ сносить такое

посрамленіе, пускай, хоть бы и имъ учиненное... Да и народъ не простить отцу — это значить поведка для другихъ бы дѣвокъ была: гуляй, а срамъ родители сноси. Да и село пропадетъ, коли дѣвка начнетъ забываться, коли забудеть стыдъ. Строго смотрѣло село за поведеньемъ бабъ: на нихъ „домъ стоитъ“. Нѣтъ, ужъ пусть расплатится отецъ за свое безчестье великое!..

Пролежала Марунька дней десять въ постели, размяла избитое тѣло да и пошла по хозяйству работать.

Живетъ, трудится. Съ мужемъ работаетъ весело-прибыльно. И Ивану любо, на жену глядя, только на деревню не показываются зря: всѣ малыя дѣти лають „покрыткой“.

Но черезъ годъ, когда у Маруньки родился сынокъ, народъ смилостивился и не сталъ попрекать покрытствомъ. Стало житься совсѣмъ хорошо. Только надо было Ивана собирать въ дорогу дальнюю, въ службу царскую.

Осталась Марунька въ семьѣ за мужа работать, свекру, свекрови помогать. Въ работѣ не удосужится добраться до сыночка. Заболѣлъ чѣмъ-то младенчикъ, похоронили въ Петровки, пожалѣли день-другой да и полно: не до слезъ, коли надо работать!

Тяжело приходилось бабѣ да ничего. „Придетъ Иванъ со службы, отдохну“, думаетъ Марунька и все считаетъ, считаетъ, сколько ему еще служить.

Хорошія думки думала Марунька, хорошо высчитывала она время, когда вернется Иванъ, да забыла только одно, что „человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ“.

Разразилась война, ушелъ Иванъ на войну. Нестерпимо ждуть вѣстей на деревнѣ, рвется баба въ городъ: тамъ можно у раненыхъ поспросить, авось, кто и знаетъ ея Ивана...

Уѣхала Марунька въ городъ, поступила на мѣсто, извѣстила мужа и отвѣтъ получила на письмо: живъ, здоровъ, чего и ей желаетъ отъ Господа, велить себя соблюдать, не заглядываться на городскихъ...

Рада баба: значить, любить!

И все ждетъ писемъ, вѣстей.

А главное — самого Ивана.

МУЖИЦКАЯ БѢДА.

Весь то хлѣбушко, весь изсушило.
 Все сгорѣло — ни пашень, ни травъ.
 Отъ Николы дождя не спустило
 Все то лѣто до самыхъ Петровъ.
 Прогнѣвили Всевышняго Бога,
 Разсердили пророка Илью.
 За скотинку ни малаго стога,
 Ни снопа за большую семью.
 Истомился народъ отъ бездожья,
 Исхудала скотина какъ тѣнь.
 Но такая ужъ волюшка Божья.
 Отъ засухи сѣждаетъ слѣпень.

.
 „Прогнѣвили? Молитесь, просите,
 Всей деревней икону неси,
 По полямъ на плечахъ обнесите,
 Со слезами мольбы возноси“.

И унылою пыльной дороженькой
 Потянулся народъ по полямъ,
 И икону изъ фольги дешевенькой
 Поднималъ на плечахъ къ облакамъ.

АРИША СТАРОВЪРКА.

Тихо, таинственно шелчется старый клень съ покраснѣвшей осинкой; игриво сгибаемая стволь, золотится на солнцѣ березка; кусты калины сплелись съ прянымъ хмелемъ и, обнявшись, чуть-чуть покачиваются при вѣтрѣ.

Конецъ августа. Солнце ласково — горячо цѣлуетъ послѣдними жаркими поцѣлуями все живущее. Тянутся серебряными нитями паутинки, пронзительно жужжать шмели. Жарко на высокихъ мѣстахъ горъ, тянетъ въ долину къ бурно бѣгущей рѣчкѣ.

— Ау, бабушка! ау! — раздалось въ кустахъ калины.

— Ау! — отвѣтило въ горахъ эхо.

— Ау, бабушка! — Еще ближе повторился крикъ. И, раздвигая вѣтви, на поляну вышла дѣвушка лѣтъ 16—17. Высокая тоненькая съ большими сѣрыми глазами, съ бровями, что называется, „соболиными“, — дѣвушка была одѣта въ крестьянскій „горбунчикъ“ и бѣлую косыночку на головѣ.

— Бабушка, ау! — Еще разъ повторила она, останавливаясь посреди лѣсной поляны.

— Ау-у-у! — донеслось гдѣ то сбоку.

Дѣвушка улыбнулась и, бросая къ ногамъ пукъ красной калины, запѣла.

Тихо, спокойно лилась немудреная пѣсня, слова улетали, терялись въ кустахъ, отдавались эхомъ въ горахъ. И дѣвушка, прислушиваясь къ эху, все пѣла и пѣла.

Печетъ жаркое солнышко, чирикаютъ въ кустахъ птички, обсыпаются сожженные деревья при вѣтрѣ. Вотъ набѣжалъ вѣтерокъ, задѣлъ осинку, задрожала, два-три листочка свалились, покрутились, покрутились въ воздухѣ и легли къ ногамъ матери осины. Вотъ какъ кораллы краснѣетъ калина, желтыми пятнами боярка, виситъ бѣлыми бубенчиками хмель, все спѣетъ, тянется къ солнцу. А вдали, блестя, переливаясь, течетъ спокойная рѣка; бѣгутъ по ней пароходы, плоты, буксиры, мелькаютъ чайкой сигнальные флаги...

Залюбовалась дѣвушка, заслушалась, смолкла, не поетъ, забыла, что она въ лѣсу, не страшно ей среди Божьяго міра, среди своихъ родныхъ мѣстъ.

— Ари-и-ш-а-а! Послышался гдѣ то совсѣмъ близко женскій голосъ, и слѣва изъ кустарника вышла съ мѣшкомъ на плечахъ старушка. Маленькая, сухонькая, въ синемъ „косоклиникѣ“ и темномъ платкѣ, старушка имѣла видъ богомолки.

— Ну, куда же ты дѣлась? — заговорила она нараспѣвъ, какъ говорятъ всѣ жители того края. — Кличу, кличу, а никакъ не дойду до тебя, измаялася.—А ты знай бѣгаешь, нѣтъ, чтобы бабкѣ пособить, — продолжаетъ ворчать старуха, тяжело дыша.

—А ты, бабушка, не зарилась бы такъ на ягоду, всего не захватишь, — отвѣтила поучительно дѣвушка, заглядывая въ мѣшокъ.

— Не захватишь, не захватишь!.. Богъ труды

любить. Зачѣмъ ты сюда пришла? Гулять? Ишь, наломала охапку, да думаешь и дѣло.

Дѣвушка засмѣялась и, упавъ на траву, запѣла.

— Вотъ ужо выйдешь замужъ, такъ не будешь смѣяться, когда старшіе поучаютъ, уже сама смѣясь, говоритъ старушка.

— Ну, тогда я и замужъ не пойду, — смѣется внучка; будемъ съ тобой жить, будемъ по калину ходить.

— Хорошо, кабы тебя Господь такимъ разумомъ надѣлилъ. Великое дѣло сохранить себя въ чистотѣ, уйти отъ грѣха мірскаго.

Дѣвушка молча слушаетъ слова старухи.

— Бабушка, почему ты не вышла замужъ? — задаетъ она вопросъ.

— Тѣфу! тѣфу! что ты еще о чемъ заговорила? — всполошилась старушка. — Вотъ грѣховодница какая!

Дѣвушка тихо посмѣивается, прикрывшись калиновой вѣткой: она знаетъ, что подобные вопросы всегда какъ то особенно возмущаютъ старую бабуку.

— А? Бабушка, почему? скажи, скажи! пристаешь она къ старухѣ.

— Почему, почему? вотъ пристала! сердится старушка. — Мы на мужчинъ то и глядѣтъ боялись! Что онъ, мужчина то? Врагъ, искушеніе дьявольское, соблазнъ! сверкая ожившими глазками говоритъ старушка.

И дѣвушка начинаетъ вѣрить ея словамъ, что мужчина — это искушеніе отъ дьявола.

Задумалась Ариша. Надъ чѣмъ?

Зачѣмъ мужчина отъ дьявола?

И тотъ черноглазый помощникъ лѣсничаго отъ дьявола, и тихій Иванъ Петровичъ, что наѣзжаетъ изъ города, тоже отъ дьявола?

Непонятно!

Если такъ, то весь міръ отъ дьявола, и тогда бабушка права: уйти отъ него, запереться въ „моленной“, просить Господа, чтобы Онъ отвелъ навсегда это искушеніе, думаетъ Ариша, устремивъ взоръ въ небесную высь.

А все же, зачѣмъ они отъ дьявола? шевелится у нея въ душѣ...

Зашумѣлъ лѣсъ, съ востока подулъ вѣтеръ, гдѣ то вдали прогремѣлъ глухой раскатъ грома...

Старушка всполошилась, поднялась, и, представляя къ глазамъ руку, проговорила:

— Вонъ какая туча то надвинулась, Господь дождичка на землю посылаетъ, будетъ гроза, надо итти.

И взваливъ мѣшокъ на плечи, пошла, опираясь на палку. Дѣвушка нехотя оторвалась отъ мыслей, забрала калину въ фартухъ и легкой поступью сбѣжала въ оврагъ.

.....
 Давно осиротѣла Ариша, плохо, какъ сквозь сонъ, помнитъ она своихъ родителей, богатыхъ старовѣровъ, умерли они отъ какой то немочи на одной недѣлѣ, оставивъ ее, малютку, на рукахъ уже и тогда не молодой бабки, сестры отца, старой дѣвицы.

Набожная богатая старуха воспитывала сироту въ духѣ отреченія, поста и молитвы.

Много выстаивала Ариша службъ, поклоновъ, „началовъ“. Какъ дѣвушка богатая она имѣла воз-

возможность безъ конца читать священныя книги, „житія святыхъ“, слушать рассказы „странныхъ“ людей и, слушая ихъ, умилялась, сторонилась міра, мечтала посвятить себя Богу.

Но вотъ однажды Аришѣ попала „мірская“ книга и, не устоявъ отъ соблазна, она прочла ее. Какимъ то новымъ, незнаемымъ міромъ, пахнуло на нее съ первыхъ же страницъ книги. И она, затаивъ дыханіе, читала и читала эту и страшную, и сладкую книгу, гдѣ говорилось о какой то другой жизни, другихъ чувствахъ и другихъ людяхъ...

Гдѣ они, эти люди, которые и страдают и работаютъ больше, чѣмъ она, но не ропшутъ и въ награду не желаютъ того царства небеснаго, о какомъ мечтаетъ ея бабка и всѣ окружающіе ее, а ищутъ, берутъ его здѣсь, въ этой временной земной жизни?

— Искушеніе! шепчетъ она и все же не оторвется отъ книги.

Прочла, спрятала подъ подушку, закрылась одѣяломъ, думаетъ; на душѣ такъ сладко и въ то же время хочется плакать.

Вскочила, отдернула занавѣсъ съ „Божницы“, затеплила свѣчку.

— Положу „начало“, сорокъ поклоновъ, — думаетъ Ариша. — „Прійдите, поклонимся и припадемъ ко Христу“, — шепчетъ она, падая головой на „подрушникъ“.

„Прійдите“... Остановилась. Въ ушахъ слова черноглазаго лѣсничаго: „Поклонитесь отъ меня, Дарья Мироновна, вашей внучкѣ“. Разгнѣвалась дюже бабка, ничего не сказала ей, а она слышала, спрятавшись за занавѣску.

— Искушеніе, дьявольское навожденіе! шепчетъ въ ужасѣ Ариша. — Святые угодники, молитесь за меня грѣшную!

Молите!. Утренняя заря застала ее за чтеніемъ мірской книжки.

И чѣмъ больше читала она мірскихъ книгъ, тѣмъ больше овладѣвало ею сомнѣніе: отъ діавола ли это все?

Порой ей казалось, — права бабка, говоря, что мужчины отъ дьявола и что, идя за ними, погибнешь. И тогда она готова была дать обѣтъ Богу на вѣчное безбрачіе, на вѣчное затворничество въ „моленной“. Но порой ей казалось, что, не сторонясь міра, мужчинъ, она можетъ сохранить чистоту, святость...

Въ этой душевной борьбѣ протекала жизнь Ариши до того времени, когда скончалась ея бабка, оставивъ Аришу по 17-му году.

Ушла бабка, и вмѣстѣ съ ея уходомъ ворвались въ домъ какіе то житейскіе хлопоты, гдѣ пришлось видѣть людей не только на молитвѣ и въ душеспасительныхъ бесѣдахъ, но въ жизни, нуждѣ, горѣ и радостяхъ человѣческихъ...

Въ первую минуту Ариша ужаснулась этого моря скорби, болѣзней, печалей, но... не отвернулась отъ нихъ. И наградой за это было то, что она увидѣла, что изъ горя и скорби вырастаютъ и радости, и постигнуть ихъ тотъ, кто пройдетъ черезъ нихъ.

Мѣсяца черезъ три Аришу перевезли въ городъ къ давнему знакомому бабки купцу Енохину, который слылъ за большого „радѣтеля“ старой вѣры, старыхъ обрядовъ, ходилъ въ

поддѣвкѣ, въ волосахъ „подъ скобу“, но сына своего уже не принуждалъ къ этому и даже „училъ въ университетѣ“.

И домъ Енохиныхъ жилъ разной жизнью: на половинѣ отца — неугасимыя лампы, моленья, начетчики съ толстыми книгами; на половинѣ сына — ученые разговоры, шумъ, смѣхъ и даже танцы. Старикъ былъ вдовъ, и домомъ управляла старуха свояченица.

Вотъ въ эту то семью, на половину старика, и попала Ариша по переѣздѣ въ городъ.

Сидитъ Ариша въ своей горенкѣ, шьетъ шелками настольники, прислушивается къ говору на половинѣ сына Енохина: тамъ весело, вольно, спорятъ люди о чемъ то непонятномъ, но не божественномъ, поютъ, смѣются, и никто не упоминаетъ о „томъ свѣтѣ“, о страшномъ судѣ, какъ будто все это существуетъ для нихъ, живущихъ на половинѣ старика.

И опять ее брало сомнѣнiе..

Обѣдала семья вмѣстѣ. И когда въ первый разъ молодой Енохинъ увидѣлъ Аришу, онъ какъ то изумленно-ласково посмотрѣлъ на нее и назвалъ „сестрицей“.

Тихо, однообразно течетъ жизнь Ариши. Въ домѣ опекуна, какъ и у бабки въ деревнѣ, накрываютъ столы для бѣдныхъ, справляютъ службы въ „моленныхъ“, „привѣтаютъ“ странниковъ — Божьихъ людей, и много говорятъ о мiрской грѣховности.

Большія дѣла дѣлаетъ Енохинъ. Копить старикъ деньгу, набиваетъ кошну, и хоть есть кому оставить все это, но все же скучно ему, неприглядно въ домѣ безъ хозяйки.. Запала ему мысль

жениться на сиротѣ, да не знаетъ, какъ подойти къ дѣлу: боязно, не пойдетъ, откажетъ ему, Андруну Енохину, какая то дѣвченка. Непрестойна для его лѣтъ такая обида. Надо попытаться черезъ людей, черезъ радѣтельница - прислужницъ.

Слушаетъ Ариша розказни Божьихъ старушекъ, ужасается людской грѣховности и приходитъ къ заключенію, что только здѣсь, въ темной „моленной“, можно схорониться отъ этой грѣховности и пронести жизнь, какъ свѣчу предъ храмомъ Господнимъ, къ престолу Всевышняго. И если бы не взгляды ласковый вопросительный молодого Енохина, ушла бы она въ скитъ, гдѣ посвятила бы себя посту и молитвѣ. Но не даетъ тотъ взглядъ остановиться на этой мысли. Медлитъ Ариша и какъ будто чего то ждетъ...

Въ томъ году весна была ранняя, дружно согнало снѣгъ, вскрылись рѣчки, и въ первыхъ числахъ апрѣля зацвѣли сады.

Душно Аришѣ въ ея комнаткѣ, открыла окно. Изъ сада несется душистая струя цвѣтущей яблони, чирикаютъ малиновки, жужжать осы... Потянуло туда; накинула платочекъ, вышла, идетъ тихонько межъ деревьевъ. А они какъ къ вѣнцу урядилися — всѣ бѣлыя, бѣлыя, стоятъ не шелохнутся, Божьему міру не кланяются.

Защемило что то въ груди у Ариши, навернулась слезинка на ясныя очи, жаль ей вдругъ стало себя, своей одинокой сиротской доли; сѣла на лавочку, прислонилась къ стволу яблони, замолкла...

Тихо въ Божьемъ мірѣ. Свѣтятся звѣзды на небѣ, играетъ луна на поверхности рѣчки, бѣль-

ютъ сады... Вотъ одна звѣздочка скатилась съ неба.

— Куда она упала? — думаетъ Ариша, — по чью душу послалъ ее Господь на землю?

Нѣтъ отвѣта.

Тоскливо стало, пошла домой...

Уже отцвѣли сады, осыпались бѣлыя яблони, груши, запѣли по утрамъ, купаясь въ лучахъ солнца, жаворонки... Готовится мѣръ къ Христову дню.

Идутъ безконечныя денно-ночныя службы въ „моленной“ Енохина. Истомилась Ариша въ молитвѣ, заѣла ее дума тяжелая — неразрѣшимая: старикъ Енохинъ ее сватаетъ. Какъ быть? Куда ей, на што ей его богатства, что сулитъ онъ? Пугаетъ ее и жизнь съ нимъ, пугаетъ ее и скитъ. Не надѣется она избавиться отъ грѣшныхъ мыслей: миль ей молодой Енохинъ, а съ такими мыслями въ скитъ нельзя итти! Куда дѣваться отъ самой себя?..

А старухи нашептываютъ, что все ея спасенье за старикомъ. За старостью, какъ за каменной стѣной, потечетъ ея жизнь безъ горя, безъ печали...

Тяжко Аришѣ, молится она передъ образомъ Божіей Матери, вручаетъ свою жизнь Ея покровительству и рѣшается на замужество.

Ликуетъ старый Енохинъ, радуется старое сердце, глядя на свою невѣсту. Раздаетъ щедрая рука милостыню неимущимъ „за здравіе рабы Божіей отроковицы Ирины“.

Будто успокоилась Ариша, твердое рѣшеніе провело границу между всѣми сомнѣніями. Только одно не хорошо: молодой Енохинъ, чуя что то недоброе, мается, заходитъ чаще на половину отца и какъ будто взглядомъ спрашиваетъ:

— Что ты надумала сдѣлать?

Въ пасхальную заутреню пришелъ въ молену. Это онъ для нея пришелъ. А она въ „косоклиникѣ“, безъ пояса, въ платкѣ не на уголь; въ первый разъ застыдилась своего наряда.

Хоть бы онъ ее не видѣлъ такую! Нѣтъ, чувствуетъ, нашель онъ ее. Не удержалась, оглянулась: смотреть онъ радостно, ласковымъ взглядомъ, красная свѣча въ рукахъ мигаетъ, озаряя молодое, красивое лицо. Отвернулась. Сердце бьется какъ пойманная птичка. Душно отъ ладана, звонять въ ушахъ гнусавые голоса пѣвчихъ, нѣтъ мочи отъ жары...

Пробралась къ выходу, сбѣжала въ садъ, слышитъ, кто то идетъ за ней: молодой Енохинъ... Испугалась, хотѣла крикнуть, голосъ остановился гдѣ то въ груди; опустилась на колѣни, закрыла руками лицо, ждетъ, что будетъ...

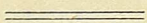
Слышитъ, теплыя, сильныя руки отняли отъ лица ея ладони, держатъ ласково, любовножимаютъ...

Поднялась, старается высвободиться, хочетъ бѣжать, не можетъ... И только чувствуетъ дыханіе, горячее, радостное дыханіе гдѣ то совсѣмъ близко, близко!..

Вотъ рука высвободилась и обхватываетъ ея станъ плотно, крѣпко. Вотъ другая обхватила шею, и Ариша чувствуетъ, какъ колотятся ея и его сердце, какъ сливаются уста въ страстный, длинный поцѣлуй...

И, не сопротивляясь, она ловитъ эти сладкіе поцѣлуи, смотритъ въ его полные нѣги глаза и испуганно шепчетъ:

— Грѣхъ то какой, братецъ! Какой грѣхъ то!..

Я ПРИШЕЛЪ.

Я пришелъ тебѣ сказать:
Будетъ нѣжится въ постели;
Въ это утро стыдно спать,
Отвори скорѣе двери!

Посмотри, какъ солнце свѣтитъ,
Море ласково шумитъ,
Въ горы, въ даль куда-то тянетъ
Чашу счастья залпомъ пить.

Я пришелъ сказать, что волны
Манятъ въ море, въ глубину,
Что, раскинувъ парусъ, челны
Разсѣкаютъ синеву.

Я пришелъ сказать, что въ паркѣ
Царство птицъ давно не спитъ,
Что роса блеститъ на травкѣ,
Вѣтеръ ласково шалитъ.

Я пришелъ... что въ это утро
Мнѣ хотѣлось бы любить,
Что нетронутое сердце
Можетъ ласку подарить...

НА КУХНѢ.

Жила Катерина на кухнѣ цѣлой семьей: былъ у нея мужъ Андрей, маленькій, приземистый, молчаливый въ трезвомъ видѣ и драчливый „во хмелю“ мужиченка, дочь Анка двухъ лѣтъ, вся лицомъ въ отца, и сынъ Никитка, четырехъ лѣтъ, ея дѣвичій, или, какъ выражался Андрей — „пригульный“.

Спокойная, работающая цѣлые дни мечется Катерина по кухнѣ, угощая тычками Никитку, толкая объѣдки прожорливой Анкѣ и молча выслушивая отъ мужа непріятныя замѣчанія по адресу Никитки. Никитка былъ ея больное мѣсто и, зная это, Андрей любилъ чѣмъ-либо да задѣтъ ребенка.

— Эво, ходитъ нашъ баринъ, заложивъ руки за спину, „по прищпекту“.

А это была Никиткина манера, особенно, если его обидятъ, ходитъ, заложивъ руки за спину. Въ этотъ моментъ онъ дѣйствительно былъ похожъ на прогуливающагося барина, что особенно злило Андрея.

Взглянуть Катерина на ребенка, жаль станеть, схватить какой-нибудь кусокъ, сунеть: пусть займетъ и отца не злитъ, и ее не мучить.

Прибѣжала горничная Наташа и объявила новость: сегодня, къ Новому году, ѣдетъ какой-

то братъ, не то барыни, не то барина, военный и калѣка.

Катерину это извѣстіе мало тронуло: мало ли ѣздить гостей къ господамъ! А калѣкъ теперь послѣ войны тоже сколько хочешь. У нея свои заботы: не подгадить ужиномъ, гостей будетъ много, и приходится самой помогать около стола.

Въ сумеркахъ пріѣхалъ гость, по словамъ Наташи, „ужъ такой то ли молодой да такой то ли интересный и только нѣтъ у ѣдненькаго правой руки, да и нога то, знать, не своя: очень стучить“. А барыня то плакали плакали, увидѣвъ его въ такомъ видѣ“.

И это извѣстіе мало тронуло Катерину: сколько ихъ теперь безъ рукъ и безъ ногъ!

Закончивъ хлопоты на кухнѣ и уgomонивъ дѣтей, Катерина одѣлась и поднялась навверхъ.

Гости уже сидѣли за столомъ въ ожиданіи Новаго года.

Присѣвъ на сундучекъ рядомъ въ комнатушкѣ горничной, Катерина слушала болтовню гостей, болтовню бѣгавшей Наташи, и мысли ея были гдѣ то далеко-далеко, когда и она была такая же молоденькая, неопытная, одинокая какъ и эта веселая дѣвушка Наташа.

Вблизи, въ соборной церкви, ударили къ молебну.

Въ столовой часы мирно отчетливо пробили двѣнадцать. Всѣ поднялись съ мѣстъ, поздравляютъ, чекаются бокалами.

Начался ужинъ.

— Катя! Ты не узнаешь Константина Петровича? — обратилась хозяйка къ Катеринѣ, когда

та прибирала столъ и изъ гостей сидѣло человѣка четыре близкихъ знакомыхъ.

— А ты, Костя? Помнишь, когда ты въ послѣдній разъ у насъ гостилъ, была горничная Катя?

Гость, военный красивый мужчина лѣтъ 27, привсталъ съ мѣста и, опершись лѣвой рукой на столъ, глядѣлъ на Катерину.

— Неужели это вы, Катя? — произнесъ онъ тихо. — Я бы никогда не узналъ васъ, если бѣ мнѣ не сказали. Ну, вы совсѣмъ не та Катя, сѣроглазая, съ чудной, ниже пояса, косой.

— О! она у насъ теперь уже дама! — вмѣшалась хозяйка: — у нея уже двое дѣтей и строгій мужъ. А вообще то она всегда была солидная, добавила хозяйка, выходя изъ столовой.

А Катерина стояла, ухватившись за край буфета, и, ничего не отвѣчая, глядѣла на военнаго.

— Ну, что же, Катя, развѣ и не вспомните, не узнаете студента Костю? А какъ мы съ вами и сосѣдними барышнями бѣгали гадать на Новый годъ? — старается военный разбудить память Катерины.

Помнить Катерина, помнить все, но не можетъ вымолвить ни слова. — „Неужели это онъ, ея Костенька, такой несчастный калѣка? Да какъ же это такъ?“

— Такъ какъ же, Катя, такъ вы меня значить и не узнаете? — произнесъ военный, выходя неловко изъ-за стола.

— Нѣтъ! узнаю, Константинъ Петровичъ, — отвѣтила тихо Катерина, и что-то вдругъ сдавило ей горло, хотѣла бы сказать что-то ласковое, утѣ-

шительное, но не могла и, повернувшись, вышла въ переднюю, прижалась къ пахнувшей нафталиномъ чьей-то шубѣ и.. замерла.

Въ домѣ шумять, танцуютъ, играютъ на рояли, слышно, кто-то запѣлъ что-то грустное, жалостное, кажется, гость. Катерина насторожилась, старается разобрать слова:

„Ты такъ усталъ, я сердцемъ наболѣла“.

Закрывъ лицо передникомъ, заплакала Катерина. Плакала тяжело, вздрагивая всѣмъ тѣломъ, и казалось, что все накопленное годами горе вырвалось наружу и какъ весенній потокъ понеслось. Вспомнилось все, вся сиротская жизнь въ деревнѣ, затѣмъ житье по чужимъ домамъ въ городѣ. А ужъ дальше то, дальше! Только Ты, Господи, знаешь, что пришлось пережить!

Пошла Катерина на кухню, спитъ Андрей, распластался красный, курносый, волосы какъ мочало, лежитъ, руки разставлены, какъ бы хвастаясь: „вотъ де на, полюбуйся, есть двѣ здоровыя, какъ вилы“ и ноги выглядываютъ изъ-подъ одѣяла. Анка лежитъ около отца, отъ жары распарилась, счастливая, обласканная. Никитка на сандукѣ у окна что-то бормочетъ со сна, нахмутивъ, какъ у отца, тонкія брови.

Подтянула Катерина тихонько табуретку поближе къ Никиткѣ, сѣла и глядитъ, не спуская съ сына глазъ.

— Сказать или нѣтъ? А вдругъ скажетъ: „А можетъ, онъ не мой“. Нѣтъ, пусть лучше не знаетъ! Подумаешь, что еще денегъ хочу получить. Ничего мнѣ отъ него не надо! Вѣдь правда, Никитка?, Скоро вырастешь, самъ помогать матери станешь-

Раздался звонокъ, звали наверхъ, барыня приказывала помочь гостю улечься спать.

— И вообще, я бы хотѣла, чтобы ты, Катя, ходила за Константиномъ Петровичемъ. Ты ему давняя знакомая и ему это будетъ приятно.

Когда Катерина увидѣла отнятую отъ туловища ногу и пустой рукавъ сорочки, ей стало до того страшно, что она, закрывъ глаза, отвернулась къ окну.

— Катя! — подозвалъ ее гость. — Катя, иди сядь около меня, расскажи, какъ ты живешь, какъ жила все это время, кто твой мужъ, любишь ли ты его?

Не слыхала Катерина съ той самой поры, вотъ съ такой же подь Новый годъ ночи, такого ласковаго слова, и дико ей казалось, что съ ней такъ говорятъ.

И присѣвъ на краешекъ кровати, она рассказала калѣкъ всю свою жизнь послѣ его отъѣзда. Какъ она о немъ тосковала, какъ хотѣла поѣхать въ тотъ городъ, гдѣ онъ жилъ, какъ потомъ замужъ вышла, не любя. Одно только Катерина утаила: рожденіе Никитки. Пусть не знаетъ, что Никитка его сынъ!

А когда на утро, наученный Андреемъ, Никитка пошелъ поздравлять господъ съ Новымъ годомъ, безрукій гость далъ ему серебряный рубль.

ОСТЫЛО СЕРДЦЕ.

(Народная пѣсня).

Отчего, какъ прежде,
У воротъ не ждешь,
Милою, какъ раньше,
Больше не зовешь?

Видно, отлетѣла
Теплая весна,
Смялась, пожелтѣла
Шелкова трава.

Видно, въ полѣ цвѣтикъ
Облетѣлъ давно,
Ясный мой соколикъ
Не глядитъ въ окно.

Видно, ужъ не грѣть
Солнышко тебя,
Вѣрно, не прельщаетъ
Дѣвичья краса.

Ахъ, остыло сердце,
Отлетѣлъ порывъ,
Скрылось мое счастье,
Кануло въ обрывъ.

Я пройдуь по полю,
 Закручуь въ лѣсу,
 Выплачуь ~~въ~~ волю,
 Горе разнесу.

Ты развѣйся, горе,
 По полю пескомъ,
 Не стони, какъ море,
 Сердце о быломъ...

УТРО ВЪ ДЕРЕВНѢ.

Заалѣлось небо зарею,
 Пробудилась дубрава отъ сна,
 Заблестѣли алмазной росю
 Всѣ деревья, цвѣточки, трава.

Зачирикали весело птички,
 Закричалъ коростель на лугахъ,
 Сизой дымкой покрылися рѣчки,
 Показалось солнце въ лучахъ.

Заскрипѣли ворота, колодцы,
 Заигралъ на свирѣли пастухъ,
 Замычали коровы и овцы,
 Закричалъ гдѣ-то громко пѣтухъ.

Потянулись телѣги съ косцами,
 Появился слѣпецъ у окна,
 Солнце брызнуло свѣтомъ, лучами.
 Пробудилась деревня отъ сна.

ЧАСОВОЙ.

Отчего такъ тихо, до жути тихо, въ этомъ большомъ городѣ въ эту великую ночь?

Отчего этотъ гигантъ, раскинувшійся на семи холмахъ, лежитъ мертвымъ, бездыханнымъ трупомъ?

Отчего такъ пустынно тамъ, гдѣ еще недавно жизнь была ключемъ?

И только голодные собаки не спятъ и сильно воютъ, нагоняя тоску на часового у порохового погреба Афоньку Шабалу, или какъ его теперь зовутъ: „товарищъ Шабала“.

Ходитъ Афонька взадъ-впередъ около склада, стуча по камню тяжелыми „танками“; здоровенная винтовка давитъ ему плечо. Афонька перекладываетъ ее на другое и опять идетъ до угла.

Скучно ему.

Въ головѣ какъ вѣтромъ что то все выдуло. И никакихъ путныхъ мыслей. Только языкъ болтаетъ какую то недавно узнанную имъ пѣсню, да и то не знаетъ онъ ей ни начала, ни конца, а лишь какой то клочекъ изъ середины.

И надоѣла она ему до тошноты. И хочется запѣть что то другое. И запоетъ, а черезъ минуту языкъ опять болтаетъ:

Разукрашу тебя какъ картинку,
Золотую поставлю кровать.

И вдругъ Афонька вспомнилъ, что онъ не въ пѣснѣ видѣлъ золотую кровать.

Видѣлъ въявь, своими глазами въ московскомъ дворцѣ: широкая-широкая, какъ палаты, и вся вызолочена и подъ балдахиномъ.

Водили ихъ изъ Покровскихъ казармъ по четыре десятка всякую всячину въ Москвѣ глядѣть.

Интересно было!

Послѣ еще на караулѣ тамъ стоялъ, комиссаровъ охранялъ...

Плохо Афонькѣ въ рваной шинелишкѣ. Налетѣвшій со стороны Воробьевыхъ горъ вѣтеръ лѣзетъ за воротникъ, въ рукава, треплетъ подоломъ шинели. А Афонька не чувствуетъ ничего: ему отчего то стало тепло, какая то радость разлилась по всѣмъ жиламъ и даже, стыдно сказать, Афонькѣ хочется отъ нея заплакать, такъ, по маленьку, чтобы товарищи не слышали.

А отчего бы это, Афонька и самъ не опредѣлить...

На городскихъ церквахъ ударили къ утренней. Конечно, не такъ, какъ прежде, когда Иванъ Великій первый давалъ знать, что наступилъ праздникъ. Нѣтъ. Но все же заиграли, заперекликались всѣ большіе и малые колокола московскихъ церквей, какъ бы говоря:

— Мы живы!

— Мы живы!

— Мы живы!

Въ свѣжемъ ночномъ воздухѣ плывутъ звуки въ полѣ мимо Афоньки, а онъ, опершись на винтовку, глядитъ въ сторону звона и чему то улыбается:

— Праздникъ!.. Пасха!— сорвалось у Афоньки. Еще вотъ такъ весело было ему, малому сопляку Афонькѣ, тогда въ Москвѣ. И всѣмъ тогда было радостно.

„Революція“!

А какъ колокола то тогда звонили!

А народу то, народу! Вся Москва высыпала на улицу, смѣются, плачутъ, всѣ, какъ малые ребята, всѣ съ красными ленточками.

И вдругъ Афонькѣ стало какъ то холодно, холодно „изнутри“. Оторвался съ мѣста, прошелся до угла, воротился, всталъ на вытопанное мѣсто.

А все холодно и какъ то тоскливо. Вродѣ какъ въ дѣтствѣ, перелистывая книжку съ картинками, онъ дошелъ до какой то странной картинки, отъ которой ему стало не весело.

На городскихъ колокольняхъ уже трезвонятъ. И такъ радостно переливаются колокола въ умѣлыхъ рукахъ звонарей.

И звонко-шумно, какъ малыя дѣти, бѣгутъ мелкіе колокольчики за бархатистыми „большаками“.

Афонькѣ же отъ этого звона становится все тяжелѣй и тяжелѣй.

Вспомнилась другая Пасхальная ночь.

Такъ же гудѣли колокола на московскихъ церквахъ, выли собаки, такъ же носились и даже больше автомобили по улицамъ города, а онъ и его товарищи въ ту ночь работали отъ „чрезвычайки“.

Ухъ, страшно подумать, сколько народу вывезли туда, въ Петровскій паркъ!

Всякіе — молодые, старые, военные, штатскіе;

говорять, все „бѣлогвардейцы“.

Особенно ярко въ Афонькиной памяти всталъ образъ какого то старичка съ мальчишкомъ гимназистомъ.

Когда стали высаживать изъ автомобиля, уже подъѣхавъ къ мѣсту, откуда больше не возвращаются назадъ, мальчишка какъ взвизгнетъ да бухъ на колѣни:

— Пощадите папочку, убейте только меня!

А старикъ какъ сверкнетъ глазами, схватить его за руку да:

— Встань, не смѣть унижаться: это звѣри, это выродки; будь они во-вѣки прокляты!

Тошно стало Афонькѣ отъ этихъ словъ.

Зло вскипѣло въ его сердцѣ...

Размахнулся да прикладомъ старика по голо-
вѣ!.. Не пикнулъ, свалился!

А мальченка то, какъ звѣренышъ, сжалъ кулачки да на него, Афоньку, какъ набросится!..

Ну, конечно, и ему то же было...

И страшно стало Афонькѣ стоять среди ночной тьмы. Какой то смертельный ужасъ охватываетъ его все больше и больше.

А смѣны нѣтъ, и товарищей не слышно.

А тамъ, за спиной, онъ слышитъ шаги.

И, не оборачиваясь, видитъ старика съ мальчишкомъ-гимназистомъ ..

Рванулся Афонька впередъ, винтовка выпала изъ рукъ, и, запынаясь въ полахъ, побѣжалъ онъ въ сторону города.

И сколько онъ ни бѣжалъ, ему казалось, что онъ все стоитъ на одномъ мѣстѣ, старикъ же подходить все ближе и ближе.

Пришелъ въ себя Афонька только уже въ городѣ, „на Пескахъ“.

Народъ шель въ церковь.

Потянуло и его туда...

Густымъ бархатнымъ звономъ налилса предъутренній разсвѣтъ, разбудивъ въ переболѣвшей Афонькиной душѣ тихую грусть.

Захотѣлось ему къ себѣ въ деревню, гдѣ когда то мальчикомъ онъ пѣлъ съ дьячкомъ Фони-фантіемъ на „крылось“.

Хорошо тамъ было.

Тонко такъ выводилъ онъ „партесную“: „Радуйтеся, людіе“, а послѣ службы бѣгаль по домамъ христосоваться.

И, унесясь мыслями въ свое дѣтство, Афонька вошелъ въ церковь.

Горѣли свѣчи передъ образами, носилса клубами ладанъ, а въ клубахъ его виднѣлась фигура старенькаго священника.

Точь-въ-точь ихній отецъ Евграфій: такой же сѣденькій, съ дребезжащимъ голоскомъ.

Всталъ Афонька къ порожку, поближе къ стѣнкѣ, стоитъ, не крестится: не то разучилса, не то просто стыдно.

Отъ усталости ли, отъ того ли тепла, что было разлито въ церкви, но у Афоньки въ глазахъ вдругъ стало какъ то двоиться.

Какъ будто на амвонѣ свояль одинъ батюшка, а потомъ стало два, а изъ двухъ снова одинъ...

Да и не батюшка, а старичекъ, что былъ убитъ имъ, Афонькой...

Только глядѣлъ-глядѣлъ старичекъ по церкви, увидѣлъ Афоньку и, ласково такъ улыбувшисъ, говорить:

А, вотъ и ты, Афонька, сюда пришелъ! Это хорошо: Христосъ Воскресе!

Очнулся Афонька...

Нѣтъ старичка...

Но на душѣ свѣтло стало...

И захотѣлось ему пробраться впередъ, подойти къ тому мѣсту, гдѣ стоялъ священникъ, благословляя прихожанъ.

Долго колебался Афонька, наконецъ двинулся и, какъ бывало въ дѣтствѣ, подходя къ кресту, проговорилъ:

— Воистину Воскресе, батюшка!

НА РОЖДЕСТВО.

И вновь пришелъ къ намъ праздникъ Рождества,
А звонъ колоколовъ до насъ не долетаетъ.
Гудятъ ли тамъ, въ Москвѣ, колокола,
И въ храмахъ миръ Младенца воспѣваетъ?

Мы, бѣженцы, изгнанники Россіи,
Съ нуждой и горемъ свыклися давно,
Но Бога бы для праздника просили,
Просили бы смиренно одного:

Чтобы воскресла вновь великая Россія,
Чтобъ поднялась она изъ пепелищъ огнемъ,
Народный духъ, угасшій было, засвѣтила,
Благословляя всѣхъ не дрогнушимъ крестомъ.

Мы, бѣженцы, изгнанники Россіи,
И горя нашего не многіе поймутъ,
Но то, что мы сегодня попросили,
Пусть этого у насъ они не осмѣютъ.

Т Ъ Н И.

Когда солнце, сдѣлавъ свой кругъ, дойдетъ до заката и окраситъ небо въ огненно-оранжевый цвѣтъ, съ окраины города, съ кладбища, раздастся звонъ — не громкій, слышный лишь для близко живущихъ.

Это звонятъ въ русской церкви — часовнѣ Иверской Божіей Матери, что стоитъ на краю сербскаго кладбища, сбоку русскаго куточка его.

Миръ тутъ, тишина.

Прорветъ иной разъ тишину причитанье простой сербской женщины, но какъ-то одиноко-жалобно покружатся эти вопли въ вечернемъ воздухѣ и, какъ что-то ненужное, неумѣстное, нарушающее торжественность этого мѣста, заглохнутъ.

Копія Иверской часовни въ Москвѣ часовня-церковка сооружена на пожертвованія. Богатая, внутри особенно, носитъ слѣды пожертвованій: все золото, серебро, каменья на ризахъ, вѣнцахъ образвъ; все старое русское, привезенное изъ Россіи.

Несли люди кофейники, молочники, ложки, кольца. Все несли, чтобы украсить чтимый образъ Богоматери прекрасной аѳонской работы.

И украсили, переливъ посуду въ слитки, передѣлавъ ордена, ученые значки въ лампы, монеты въ цѣпи къ нимъ.

Вотъ въ Евангеліи генеральская лента. Чья она, кто ее заслужилъ, кто носилъ? Вѣдь этотъ кусокъ ленты не купленъ на метръ. Чтобы одѣть его, кто-то что-то дѣлалъ, чѣмъ-то заслуживалъ!

Много здѣсь російскаго прошлаго, что имѣеть что-то свое, свою исторію.

Около церковки кусочекъ русскаго кладбища.

Много тутъ похоронено людей!

Подъ каждымъ крестомъ своя исторія, подъ каждымъ холмомъ обломокъ съ корабля императорской Россіи.

Читаю надписи: генералы, сенаторы, полковники... Все солидные люди, въ годахъ. Прошли жизненный циклъ, видѣли все, были наверху карьеры. Познали богатство, славу, власть. Познали изгнаніе, бѣдность, безсиліе и умерли съ тоской о прошломъ, съ тоской о родинѣ.

Есть и вахмистръ съ Кубани, урядникъ, инженеръ, докторъ.

Всѣ были тамъ, всѣ служили, всѣ работали, всѣ несли свои силы на алтарь отечества. А теперь всѣ тѣсно одинъ къ другому спятъ, отдыхаютъ отъ пройденнаго пути.

Надписи всевозможныя, но какъ лейтъ-мотивъ — покорность судьбѣ, покорность волѣ Божіей.

— „Да будетъ воля Твоя!“

Мигилы въ большинствѣ украшены цвѣтами, горятъ лампадки: послѣдняя дань живыхъ.

Но есть и запущенныя, заросшія бурьяномъ. Видимо, не осталось близкихъ.

Или уѣхали, позабыли?

И нигдѣ, какъ здѣсь, на этомъ кладбищѣ, нѣтъ такой связи живыхъ съ мертвыми.

И эта связь — эта часовенка, въ которой совершаются, какъ во всякой церкви службы.

Придите сюда въ Великій Четвергъ, Пасху: никогда, ни въ какое другое время, вамъ не бросится въ глаза та неразрывность живыхъ съ мертвыми, какъ въ эти дни.

Вотъ Великій Четвергъ. Кругомъ тишина. Городъ со своимъ шумомъ, свѣтомъ, мигающими рекламными гдѣ-то далеко. А здѣсь такъ тихо! Священникъ читаетъ Евангелія, обращаясь лицомъ къ народу на улицѣ. На всѣхъ могилахъ огни: горятъ свѣчи.

И на многихъ могилахъ человѣческія фигуры: стоятъ, читаютъ Евангелія.

Живые съ мертвыми вмѣстѣ...

А въ Пасху?

Кругомъ тьма. Только вся церковка горитъ огнями.

И опять живые съ мертвыми вмѣстѣ. Опять черные силуэты со свѣчами въ рукахъ на могилкахъ.

Кончилась служба. Осветили пасхи. И живые, съ мертвыми христосуясь, тутъ же на могилкахъ разговляются.

И надъ всѣмъ этимъ памятникъ-склепъ съ останками русскихъ воиновъ, павшихъ въ Сербіи, на ея оборонѣ, и на солунскомъ фронтѣ.

Были ихъ кости разбросаны въ разныхъ мѣстахъ, но съ помощью добрыхъ людей собрали ихъ, а также собрали средства на памятникъ-склепъ и привезли въ Бѣлградъ.

Пусть здѣсь, на кусочкѣ русскаго кладбища, вмѣстѣ покоятся.

И какъ только тѣнь, память на Императора Николая II, на недоконченномъ памятникѣ надпись:

— „Вѣчная память Государю Императору Николаю II и 2.000.000 русскихъ воиновъ, павшихъ въ великую войну“.

Вѣчная память!

Императора здѣсь нѣтъ: Его кости, Его пепель развѣяны по Уралу. Его памятникъ — гранитные утесы. А плачутъ надъ Нимъ буйные вѣтры, и пѣсни поютъ перелетныя птицы.

Здѣсь же тѣнь Императора и тѣни двухъ миллиононь воиновъ...

Тѣни Императора, Его арміи, Его свиты..

Спитъ непробуднымъ сномъ этотъ кусочекъ Россіи. Съ утра до вечера идутъ туда оставшіеся живые, чтобы побыть тамъ вмѣстѣ, чтобы положить цвѣты, чтобы выплакать наболѣвшую душу около родной могилы.

Но „мертвые не имутъ гласа“: они намъ ничего не скажутъ.

Можетъ, только глухой ночью, когда не слышно ни голоса человѣческаго, ни шага, можетъ, тогда, въ сѣромъ предъутреннемъ разсвѣтѣ, на кусочкѣ русскаго кладбища, около Иверской часовни, появляется тѣнь Императора и тихо, не слышно, идетъ по широкой лѣстницѣ, что ведетъ къ памятнику, мимо ожившаго казака (детали памятника), который стоитъ съ обнаженной шашкой.

Идетъ и поднимается на пустую колонну.

И, молча поглаживая привычнымъ жестомъ усъ, глядитъ кругомъ..

Незримое поле крестовъ!

Кругомъ, по всему свѣту...

Все Его воины, Его армія!..

Два милліона крестовъ, два милліона тѣней, тѣсно прижавшись одна къ другой, чуть-чуть колеблются, какъ ковыль подъ вѣтромъ...

Долго глядитъ печальнымъ взоромъ Императоръ на свою армію, на своихъ генераловъ и.. вздохнувъ, сойдетъ съ пьедестала.

Въ предъутреннемъ разсвѣтѣ, какъ эхо, отзовутся два милліона тѣней, также вздохнувъ.

И долетитъ ихъ вздохъ до гранита, до сѣраго памятника съ пустой колонной и... разобьется о него.

И тѣни разсѣются.

И никто изъ живыхъ никогда не увидитъ, какъ прекрасенъ, какъ величественъ бываетъ тогда памятникъ русскимъ воинамъ, что стоитъ на краю большого города...

Досадная опечатка.

Напечатано Должно читать стр. срядка сверху

люди обляяли люди обаяли* 23 12

* Обаяли отъ „баять“—много говорить.Обаять — много говорить и „рукой махнуть“ на кого, какъ на неисправимо отрицательнаго.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Русь, стих.	III
Въ день нашего изгнанія, стих.	V

НАШЪ ГОРОДОКЪ.

Лѣтомъ	3
Зимой	13
Звонъ	21

СТИХИ. РАЗСКАЗЫ.

У фонтана слезъ, стих.	35
Осень, стих.	36
Сподобилась	37
Мой мальчикъ спитъ, стих.	45
Враги	47
Умирающій воинъ, стих.	57
Моя весна	59
Письмо, стих.	66
Бродяга	67
Сказки бабушки Тятяны	75
Новогоднее счастье	77
17-ое сентября, стих.	84
Закатъ въ Крыму, стих.	85
Марьяна жизнь	86
Мужицкая бѣда, стих.	97
Ариша старовѣрка	98
Я пришелъ, стих.	108
На кухнѣ	109
Остыло сердце, стих.	114
Утро, стих.	115
Часовой	116
На Рождество, стих.	122
Тѣни	123

КНИГИ ВЪ ПРОДАЖЪ
ЛЕОНИДА А. МАТВѢВА

„ЕСТЬ ЛИ ЧУДО?“

Научный анализъ чудесъ І. Христа
и Апостоловъ.

Книга на русскомъ языкѣ, изд. 1931 г.

Цѣна въ Югославіи 50 дин., за границей 20 фр. фр.

Отзывы:

„Трудъ г. Матвѣва былъ бы полезенъ читателямъ, кои не вѣрують въ чудеса, ибо видѣли бы, какъ ихъ разъясняютъ соответственный ученый, а также и тѣмъ, кои вѣрують въ чудеса, ибо увидѣли бы, какъ ихъ весьма умѣло защищаетъ писатель, вѣрующій въ нихъ“. (Комиссія Сербской Академіи Наукъ).

„Въ своемъ добросовѣстномъ и многократномъ изложеніи видѣній и чудесъ нашъ авторъ совершенно разрушилъ опроверженія и предложилъ твердую почву для св. вѣры въ чудеса Христовы и Апостоловъ“. („Цар. Вѣстн.“ Митроп. Антоній).

Въ наше время особенной популярностью пользуется такъ наз. невропатологическая теорія, старающаяся объяснить чудеса какъ результатъ истеріи и внушенія. Теорію эту г. Матвѣвъ беретъ въ основу своего изслѣдованія и, на основаніи подробнаго научно-медиц. анализа чудесъ ап. Павла, Петра и Евангелскихъ, ясно и убѣдительно доказываетъ неосновательность упомянутой теоріи и необходимость признанія въ этихъ чудесахъ сверхъестественнаго дѣйствія высшей Божественной силы. („Вѣст. Серб. Патриархіи“ проф. С.-Пет. Дух. Академіи Н. Малаховъ).

„Хотя всѣ главы этого сочиненія интересны и содержательны, но глава „о мірѣ духовномъ“ заслуживаетъ особаго вниманія по глубоко продуманному разрѣшеніи вѣчныхъ для пытливаго человѣческаго ума вопросовъ о реальномъ бытіи духовнаго міра, его сущности и взаимоотношеній съ міромъ физическимъ“. („Рус. Гол.“ г. Никольскій).

„О ВѢРѢ“

на сербскомъ яз. Вскорѣ выйдетъ на русскомъ.
Книга въ 1929 году награждена на конкурсѣ Серб. Академіей Наукъ, издана ею и разослана въ среднія школы. — Содержитъ краткую исторію религіи отъ доисторическаго человѣка.

Цѣна 20 дин. въ Югославіи, за границей 10 фр. фр.

Книги можно выписывать отъ автора:
Beograd, Yougoslavie, fañ 631, Léonide Matvéev.

ЦѢНА: въ Югославіи 30 дин.
заграницей 12 фр. фр.

Главный складъ у автора.

Почтовый адресъ:

Beograd, Yougoslavie, post. fah 631, Matvéev.